

HYPERfiction

HYPERfiction

Далия Трускиновская

Шайтан
Звезда

Даля Трускиновская

Шайтан-звезда (Книга первая)

«Автор»

1998

Трускиновская Д. М.

Шайтан-звезда (Книга первая) / Д. М. Трускиновская — «Автор»,
1998

Когда в небе загорается и подмигивает Шайтан-звезда, – на земле рождаются дети со странной судьбой. Их переносят из края в край джинны, они спасают обреченных и водят в бой отряды, волшебные ожерелья раскрывают им свои тайны. Но одна беда преследует этих людей – они сгоряча дают необдуманные клятвы, а потом вынуждены их исполнять, хотя сердцем тянутся к чему-то совсем иному...

© Трускиновская Д. М., 1998

© Автор, 1998

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Далия Трускиновская

Шайтан-звезда

*Аллах не взыскивает с вас за пустословие в ваших клятвах,
но взыскивает с вас за то, что приобрели ваши сердца.*

Поистине, Аллах – прощающий, кроткий.

Коран, сура «Корова», стих 225.

Часть первая

– Ко мне, о правоверные! Сюда, сюда! Я расскажу вам вещи неслыханные, которых вы не найдете ни в одной книге! Сюда, о правоверные! Знаменитый рассказчик Мамед ибн Абу Сульма жаждет усладить ваш слух! Истории о царевичах и красавицах! О терпящих бедствия! О влюбленных и разлученных! О погибавших и спасенных! Сюда, ко мне, о правоверные! Я рассказывал эти истории при дворе иранского шаха и повелителя Чин-Мачина! И они подносили мне богатые дары – парчовые халаты и прекрасные ковры! Полосатые шелка и жемчужины – сколько захватит рука! И они мне внимание дарили и так говорили: воистину у Аллаха есть рассказы слаще пирожного! Всего один дирхем, или один даник, или сколько позволит ваша щедрость во имя Аллаха великого, справедливого!..

– Разве я учил тебя орать и вопить, задрав голову, подобно страдающему животом ишаку, о Мамед? Если ты начнешь с таких пронзительных и гнусных воплей, то не пройдет и часа, как голос твой покинет тебя, и глотка твоя станет суха, как пески пустыни в полдень, и твои слушатели подождут немного, и увидят, что ты молчишь, как пораженный гневом Аллаха, и покинут тебя, и уйдут, и ты не заработаешь за этот день и трех дирхемов, а шесть дирхемов у тебя уйдет на баню, чтобы вылечить твою глотку, да заткнет ее Аллах чем-нибудь получше, чем верблюжий навоз, если ты еще примешься так орать и вопить... – А как же я должен собирать слушателей, о сын греха? Должен ли я бормотать, как старый нищий у ворот мечети? Или шептать, как сводня, которая ловит на базаре красивых сыновей купцов для богатых вдов? Если я не заору, подобно ишаку, меня никто в этом шуме не услышит, и правоверные пройдут мимо, и кошель мой не наполнится!..

– Не шуми, не шуми, о Мамед, да поразит тебя хворь, подобная ядовитому гаду! Раз уж ты уподобился ишаку сладкогласием, то сохрани хоть остатки того разума, что дал тебе Аллах как мужчине! Или он весь вылетел из твоей головы через распахнутую глотку? Еще раз говорю тебе, о Мамед, рассказчик не должен вопить, глядя в небеса, а должен смотреть по сторонам. Вот, послушай меня еще раз, о Мамед... Ко мне, о правоверные! Сюда, сюда! Я жду вас, как всегда! Я готов усладить ваш слух удивительными историями о чудесах и сражениях, о путешествиях и приключениях! О любящих и любимых! О страстью палимых! Ко мне, о правоверные, посетившие хаммам! Блаженство хаммама нельзя считать полным и совершенным, если удовольствие доставлено лишь вашему телу!

– Сегодня в хаммаме женский день, о несчастный!

– Это мелочи, о сын греха, слушай, как надо кричать дальше! Дорогу, дорогу почтенному меднику! Милости Аллаха да не оставят медника Али аль-Хеброни, как не оставляет он своей милостью тех, кто рассказывает истории, вызывающие смех! Дорогу почтенному бакалейщику Хасану! Его очищенные фисташки – наилучшие для закуски! Что же ты уставился себе под ноги, о Мамед, словно нищий, потерявший дирхем?

– Я думаю о том, что взялся не за свое дело, о Саид! Неужели ты думаешь, что я могу отличить медника от башмачника и портного от банщика? Благодарение Аллаху, нас не этому обучали! Мы, поэты, удостоенные чести...

– Вот и оказался ты со всей своей наукой и со всеми своими стихами в каморке у базарного рассказчика, о Мамед! А если ты не хочешь изучить мое ремесло, которое приносит в день два, а то и три динара, то ступай помощником к погонщику верблюдов! Или наймись пасти скот к бедуинам из пустыни, к ловцам ящериц и змей среди гор и степей, собирателям сморчков, выросших после дождей на песчаных холмах, неумытым кочевникам, никогда не евшим кислого молока и не собиравшим фиников в подол...

– Если бы Аллах оставил мне выбор, меня бы здесь не было, о сын греха...

– А раз Аллах тебе выбора не оставил, то сиди и слушай, да поразят тебя лихорадка и кашель! Впрочем, они тебя все равно поразят... Тем, кто принесет тебе свой дирхем, нет дела до того, что ты еще в минувшую пятницу был в числе придворных поэтов самого повелителя правоверных. И ты не станешь им объяснять, какой бейт и какая рифма послужили причиной твоего изгнания, о Мамед, и какова была радость твоих соперников, и сколько времени должно пройти, чтобы повелитель правоверных вспомнил о тебе и осведомился о причине твоего отсутствия, и его известили, что ты убоился его немилости, и его грудь стеснилась, и он послал за тобой раба, чтобы ты принял участие в обычной беседе...

– От обилия твоих слов у меня уже мельтешит в глазах, словно привиделся мне кошмарный сон и я хочу проснуться, но не могу.

– Бери книгу, о Мамед, а я понесу подставку и коврик. Время выходить на базарную площадь.

– Я не могу, о Саид! Я не готов! Ты еще ничему меня не выучил!

– Перед тобой будет лежать раскрытая книга, о глупец! Как только ты соберешь слушателей, тебе останется только перелистывать страницы! Не хочешь ли ты сказать, что с перепугу забыл грамоту, о несчастный? Идем, идем, и да будет над нами милость Аллаха великого, справедливого. А ты, о Ясмин, приготовь к нашему возвращению жареных цыплят, и рис с зернышками гранатов, и кувшин шербета...

– Если я куплю цыплят и рис на те деньги, что ты дал мне сегодня утром, о Саид, то на скатерти будут стоять пустые блюда!

– Молчи, о женщина, придумай что-нибудь... Идем, идем, а то мое место у ворот хаммама займет какой-нибудь крикливый урод, который умеет собирать слушателей! Не бойся, о Мамед, а главное – не забудь прервать историю в самом неподходящем месте! Мы даже сделаем так – когда время настанет, я дерну тебя за полу халата. Идем, идем!

* * *

И они вышли из каморки уличного рассказчика, и пошли, и скоро пришли к воротам хаммама. А в том городе хаммам был построен недавно, и это было заметное здание, красивое и с высоким куполом, и все горожане охотно туда ходили, и хозяин хаммама привечал рассказчиков, чтобы они сидели у ворот и привлекали посетителей.

И Саид с Мамедом пришли туда, и расстелили на возвышении коврик, и поставили скамеечку черного дерева, и положили на нее книгу, а потом Мамед призвал слушателей и обратился к ним, и восхвалил их, и начал рассказывать, глядя при этом в книгу.

– Дошло до меня, о правоверные, что жил на одном из островов Индии и Китая могучий царь по имени Садр-эд-Дин, чьи владения простирались на тысячи фарсахов, и у него родился сын, царевич Салах-эд-Дин, подобный луне в полнолуние, и его глаза и брови были совершенны...

История царевича Салах-эд-Дина и прекрасной Захр-аль-Бустан

...И царь обрадовался рождению сына, и устроил пиры, и стал кормить бедных и нуждающихся, так как сын был послан ему в конце его жизни.

И он собрал звездозаконников, мудрецов и времяисчислителей, и знатоков рождений и гороскопов, и они исследовали положение звезд в день рождения Салах-ад-Дина, и сказали его отцу:

– О великий царь, звезды предрекли твоему сыну опасность, и в одну ночь, сквернейшую из ночей, он может безвестно пропасть из твоего дворца, но если не случится с ним такого бедствия до достижения пятнадцати лет, то он спасен и будет жить долго.

И царь Садр-эд-Дин поблагодарил звездозаконников и предсказателей, и дал им золота, и отпустил их, а царевича отдал женщинам, и они растили его наилучшим образом в царском дворце до шести лет, и потом царь нанял ему учителей, и приставил к нему слуг, а главным среди учителей был мудрец Барзах, из магрибских мудрецов. Он прочитал книги греческие, персидские, византийские, арабские и сирийские, и знал врачеванье и звездозаконие, и усвоил их правила и основы, их пользу и вред, и он знал также все растения и травы, свежие и сухие, полезные и вредные, и изучил философию, и постиг все науки, врачебные и другие.

И царевич читал Коран согласно семи чтениям, и читал книги, и излагал их старейшинам наук, и изучал науку о звездах и слова поэтов, и усердствовал во всех науках, ибо ему нравилось учиться, и его почерк был лучше почерка всех писцов. И все это время он ни разу не выходил из дворца.

А когда Салах-эд-Дин вырос, и достиг четырнадцати лет, старшая нянька царевича, старуха аз-Завахи, пришла к Садр-эд-Дину, и поклонилась ему, и поцеловала землю между его ног, и сказала:

– О великий царь, твой сын уже вырос, и вошел в совершенные годы, и ему нужны красивые рабыни!

Услышав это, царь Садр-эд-Дин рассмеялся, и хлопнул в ладоши, и велел позвать из женских покоев двух черных евнухов, опытных в своем деле, и приказал им отправиться к посредникам, чтобы узнать о красивых рабынях. И евнухи ответили ему: «На голове и на глазах!» – и поспешили на невольничий рынок, и обошли посредников, и расспросили их, и перед ними открыли несколько красавиц сияющей внешности и приятного вида, с дивными чертами и луноликих, чей стан походил на букву алиф, и дыхание благоухало амброй, и коралловые уста были сладостны, и лица своим светом смущали сияющее солнце.

И евнухи вернулись во дворец, и вошли к царю, и сказали:

– О великий царь, мы увидели красавиц, совершенных по прелести и изнеженности, и их владельцы готовы подарить их тебе вместе с надетыми на них украшениями. И мы нашли девушку, не знающую себе равных. Ее зовут Анис аль-Джалис, и она прекрасна, стройна и соразмерна, и цена за нее остановилась на десяти тысячах динаров, и ее владелец клянется, что эти десять тысяч динаров не покроют стоимости цыплят, которых она съела, и напитков, и одежд, которыми она наградила своих учителей, так как она изучила чистописание, и грамматику, и язык, и толкование Корана, и законоведение, и религию, и врачевание, и времяисчисление, и нанизывает стихи, и играет на музыкальных инструментах – и на свирели, и на бубне, и на лютне.

И царь обрадовался, и позвал казначея, и велел отвесить евнухам деньги, и они пошли к купцу, и заплатили деньги, и взяли невольницу.

А когда ее привели в царский дворец, женщины вышли ей навстречу, и сделали ей подарки, и отвели ее в предназначенные ей покои. И царь дал ей невольниц, и назначил ей содержание, и приставил к ней рабов, черных и белых.

А эта девушка, Анис аль-Джалис, была гордая и высокомерная и кичилась своей красотой. И она ничего не дала невольницам, которые принесли ей подарки от других женщин. А когда ее упрекнули в этом, она отвечала с заносчивостью и злобой. И слух об этом дошел до старухи аз-Завахи.

Вышло так, что аз-Завахи не поверила женщинам, и собрала дорогие ткани, и завернула их в голубой шелковый платок с золотой каймой, и позвала свою невольницу, и велела ей отнести этот сверток к Анис аль-Джалис и сказать ей такие слова:

– Старшая нянька царевича Салах-ад-Дина, аз-Завахи, кланяется тебе.

И невольница пошла, и вернулась, и в руках ее был голубой платок, и аз-Завахи спросила:

– Что это значит, о Хубуб? Горе тебе, разве ты не пошла туда, куда я тебя послала?

– Я была в покоях Анис аль-Джалис, о матушка, – отвечала Хубуб, – и она не приняла подарка, и сказала такие слова: «Нет нам нужды в подношениях старух!» Неужели ты снесешь такое поношение, о матушка?

И аз-Завахи рассердилась, и вскрикнула громким криком, а затем сказала своим невольницам:

– О Хубуб, о Нарджис! Эта кичливая жестоко поплатится, разорви Аллах ее покров!

И она села на армянский ковер, и задумалась, и думала долго, а потом расспросила Хубуб о красоте и качествах Анис аль-Джалис, и приказала невольницам позвать рабов, и оседлать ослов, и приготовить все необходимое, и собралась, и поехала в хаммам.

А в том городе было множество хаммамов, и все они были с горячей и холодной водой, с просторными водоемами, с умелыми прислужниками и прислужницами, обученными растирать спины и срезать мозоли. И аз-Завахи каждый день посещала какой-нибудь иной хаммам, и смотрела на женщин, и видела их без всяких покровов, а потом вернулась во царский дворец и послала раба к мудрецу Барзаху со словами:

– Я хочу видеть царевича Салах-эд-Дина и разговаривать с ним, о почтенный Барзах, и не будет в том для него никакого вреда, кроме великой пользы!

И раб пришел, и сказал, что ему было велено, и Барзах обрадовался, и велел привести аз-Завахи, и встал перед ней, и поклонился ей, и сказал:

– Привет, простор и уют тебе, о аз-Завахи!

И он привел аз-Завахи к царевичу, и оставил ее с ним. А царевич еще не входил к Анис аль-Джалис, потому что от дальней дороги она устала, и красота ее несколько поблекла, и знающие женщины считали, что девушка будет достойна ложа царевича не менее чем через десять дней. Так что он с нетерпением ожидал той ночи, когда это свершится. И старуха поклонилась Салах-эд-Дину, и поцеловала землю между его рук, и сказала:

– О царевич, о дитя, я слышала, что царь подарил тебе красивую рабыню, и ее имя Анис аль-Джалис, высокую ростом, с крепкой грудью, нежными щеками, благородным обликом и сияющим цветом лица, и лик ее светит в ночи ее локонов, а уста ее блистают над выпуклостью груди, подобно тому, как сказал поэт:

*Черны ее локоны, и втянут живот ее,
А бедра – холмы песку, и стан точно ивы ветвь.*

И сердце мое взволновалось, и я сказала себе: «О аз-Завахи, пойди и посмотри, достаточно ли та девушка красива, чтобы служить царевичу Салах-эд-Дину?» И я пошла и увидела, что рост у нее достаточный, плоть обильная, волосы черные, лоб широкий, глаза большие с черными зрачками и белоснежными белками, щеки нежные, рот узкий с пунцовыми губами, приятно пахнущий, груди полные, сосцы стоячие и живот подтянутый, и это все – признаки красоты. Но у нее большие руки и ноги, а также поняла я по некоторым признакам, что от соития с ней могут произойти многочисленные невзгоды.

– Как ты установила это, о матушка? – спросил огорченный Салах-ад-Дин.

– Она из тех женщин, в чьей натуре господствует желчь и черная желчь, а такие женщины не любят обильных совокуплений, – объяснила аз-Завахи, – и она будет стенать, и жаловаться, и избегать ложа. А сказано в книгах ученых врачей, что для тех мужчин и женщин, у кого в теле властвует желчь, лучше всего совокупляться один раз в месяц. А в твоём теле, о дитя, властвуют кровь и слизь, так что тебе нужно делать это чаще. И все мудрецы и лекари сошлись во мнении о том, что всякая невзгода, поражающая род человеческий, уходит своими корнями в совокупление.

– Ты права, о матушка, – сказал на это царевич, – но как же нам быть?

– Я уже позаботилась об этом, о царевич, о дитя! – воскликнула аз-Завахи. – Ведь ты играл на моих коленях, и ты мне дороже родного, о царевич! И узнав про такие свойства Анис аль-Джалис, я поспешила к евнухам, которым было поручено найти для тебя прекраснейшую рабыню, и сказала им: «О простаки, вы позволили обмануть себя ловкому купцу, из тех купцов, что ухитряются продать худошавых девушек за пышнобедрых, а пузатых – за стройных, подкрашивают голубые глаза под черные, румянят желтые щеки, а если покупатель зазеваётся, могут продать ему мальчика вместо девушки! И эти торговцы рабынями говорят между собой, что четверть дирхема, потраченная на хенну для окраски волос, делает девушку дороже на сто дирхемов!» И они упали мне в ноги и умоляли, чтобы я не донесла на них царю, твоему отцу, да хранит его Аллах. И сердце мое сжалилось, и я сказала им: «Поднимитесь, о презренные, ваше дело останется скрытым!» – и не пошла, и не рассказала царю об их проступке. А поскольку мне стало жалко тебя, о царевич, я сама взялась за дело и нашла тебе женщину, рядом с которой Анис аль-Джалис – как верблюжья колючка рядом с розой.

– Где же эта женщина, о матушка? – спросил Салах-эд-Дин. – Можно ли купить ее для меня?

– Она – свободная, и посетит тебя только по своей воле и по твоей воле, – отвечала аз-Завахи. – И решение принадлежит тебе, о дитя.

– Можешь ли ты привести ее во дворец? Если бы я мог входить и выходить, я сам посетил бы ее, но вход и выход для меня под запретом, – сказал царевич.

– Я приведу ее к тебе, – обещала старуха.

И царевич Салах-эд-Дин велел дать ей золота, и отпустил ее, и она ушла довольная, ибо удалась ее хитрость против Анис аль-Джалис. А царевич ничего не понимал в женских кознях и в хитростях старух, ибо не выходил из дворца и не беседовал со своими сверстниками, а лишь с учителями и мудрецами о предметах возвышенных.

И старуха аз-Завахи позвала рабов, и научила их, и они отправились в путь, и привезли прекраснейшую из женщин того города, которую аз-Завахи после долгих поисков нашла в одном из хаммамов, а звали ее Захр-аль-Бустан, и она воистину была как садовый цветок, наилучший в саду. И аз-Завахи встретила ее, и успокоила, ибо красавица еще не знала, для чего ее похитили из дома. А прекрасная Захр-аль-Бустан обрадовалась и опечалилась одновременно. И она сказала старухе:

– О матушка, я рада служить царевичу, но есть в этом деле одно препятствие.

И старуха подумала, что речь идет о замужестве Захр-аль-Бустан, и ответила ей:

– Не печалься, о дитя, если сердце царевича склонится к тебе, мы уговорим твоего мужа, и он даст тебе развод, и царевич примет тебя в свой харим.

И Захр-аль-Бустан надушили, и умастили, и одели, и убрали ей волосы, и окурили ее, а на шею ей надели ожерелье ценой в тысячи динаров. И скорпионы ее локонов ползли по щекам, и она являла свои диковины, и потряхивала бедрами, и завитки ее волос были незакрыты, и своей стройностью она унизила копье, прямое и смуглое, а красотой своей она превзошла красавиц всех стран.

А когда ее ввели к царевичу, он поднялся ей навстречу, и взглянул на нее и увидел, что это женщина, стройная станом, с выдающейся грудью, насурьмленным оком и овальным лицом, с худощавым телом и тяжелыми бедрами, в лучшей одежде, какая есть из одежд, и стан ее стройнее гибких веток, так что сердце царевича возрадовалось и разум его улетел. И царевич Салах-эд-Дин обратился к аз-Завахи с радостной речью, и поблагодарил ее, и одарил бесчисленными дарами. А потом он поднялся, и подошел к Захр-аль-Бустан, и она посмотрела на него, и увидела – это красивый юноша, и любовь к нему запала в ее сердце.

И Захр-аль-Бустан отвернулась, и прикрыла лицо, и заплакала, и никто не мог понять, в чем причина ее слез. А когда аз-Завахи подошла к ней, и успокоила ее, и спросила о причине, то красавица сказала:

– Я не могу войти в харим сына повелителя правоверных, ведь я принадлежу купцу из багдадских купцов, сыну моего дяди, и я ношу во чреве его ребенка, и по всем приметам это будет девочка, которая унаследует мою прелесть и красоту. К тому же я старше царевича, и у меня уже есть двое сыновей. Как же я могу войти в его харим? Пусть царевичу найдут красавицу, которую можно назвать кобылицей, никем не обьеженной, и жемчужиной, никем не просверленной, и пусть он войдет к ней и уничтожит ее девственность. А я недостойна внимания царевича Салах-эд-Дина, да хранит Аллах его юность!

И царевич огорчился, и повесил голову, и огорчились все, кто был при этом, и царевич приказал отвести Захр-аль-Бустан к ней домой, и тайно послал ей со старухой аз-Завахи дары, потому что не хотел порочить ее достоинство.

И с того дня Салах-ад-Дин потерял сон, и осунулся, и побледнел, и стал, как больной. И не было у него охоты к другим женщинам, так что прошло немало дней, а он так и не вошел к Анис-аль-Джалис. А именно этого и добивалась аз-Завахи. И все женщины, живущие в царском дворце, переглядывались и перешептывались за спиной Анис-аль-Джалис, и многие стали смеяться ей в лицо, говоря:

– О горячка, о заносчивая, о чванливая, покарал тебя Аллах! Как спится тебе на одиноком ложе?

А Анис-аль-Джалис от этих взглядов и слов озлобилась, и сняла свои украшения, и послала раба их продать, и подкупила одного из евнухов, обремененного годами и пронырливого, по имени Кафур, так что он рассказал ей о Захр-аль-Бустан, и о том, что у нее вышло с царевичем.

Царевич же дошел в своей страсти до предела, и написал письмо к Захр-аль-Бустан, и дал его аз-Завахи, чтобы она отнесла письмо.

И вот что он написал:

*«Пишу я к тебе, надежда моя, посланье,
О том, как страдать в разлуке с тобой я должен.
И в первой строке: огонь разгорелся в сердце.
Вторая строка: о страсти моей и чувстве.
А в третьей строке: о жизнь, потерял я стойкость.
В четвертой строке: а страсть целиком осталась.
А в пятой строке: когда вас увидит глаз мой?
В шестой же строке: когда же придет день встречи?»*

А после этого он подписал:

*«Это письмо от того, кто тоскою пленен
и в тюрьме томления заточен,
и не может он быть из нее освобожден,*

*если встречи и близости не увидит он,
после того, как в разлуке был отдален.
Ибо он разлукой с милыми терзаем
и пыткой любви пытаем».*

И Захр-аль-Бустан прочитала это письмо, и зарыдала, и дитя шевельнулось в ее чреве. И она сказала аз-Завахи:

– Отведи меня к царевичу, о матушка!

И аз-Завахи тайно привела ее во дворец.

А царевич не ожидал, что она откликнется на его призыв, и он приподнялся на ложе и сказал Захр-аль-Бустан:

– Привет, простор и уют тебе!

И Захр-аль-Бустан поклонилась ему, и поцеловала пол между его рук, и сказала:

– О царевич, я не могу принадлежать тебе, но очень скоро я рожу дочь, которая вырастет и будет во всем подобна мне, и станет красавицей своего времени, ибо ее отец – сын моего дяди, и насколько я превосхожу красотой других женщин, он превосходит красотой других мужчин. И если тебе угодно, мы заключим договор, чтобы моя дочь стала твоей служанкой и во всем тебе угождала. И я сама приведу ее к тебе, о царевич, когда ей исполнится четырнадцать лет, если это будет угодно Аллаху.

– Не служанкой, а женой возьму я твою дочь, о Захр-аль-Бустан! – воскликнул царевич, и поднялся с ложа, и приказал, чтобы принесли письменный прибор и свиток дорогого атласа.

Но тут аз-Завахи пришла в беспокойство и возразила:

– О юноша, пусть не обманывает тебя твоя молодость! Ведь это неслыханное и опасное дело! Я – рабыня Аллаха и твоя рабыня, о царевич, но сказано, что о трех вещах не подобает говорить разумному прежде их завершения: путешественнику, пока он не вернется из путешествия, и тому, кто на войне, пока не покорил он врага, и женщине носящей, пока не сложит она свою ношу. Доселе никто не называл невестой нерожденную! Бойся прогневать Аллаха великого, могучего!

Но царевич не послушался аз-Завахи, и написал договор, и он был скреплен печатью и рукопожатием. И сказал также царевич, что девочку надлежит назвать Шеджерет-ад-Дурр, ибо если мать ее подобна драгоценной жемчужине, то дочь вырастет и станет как жемчужная ветвь.

И царевич велел приготовить приданое, которое Захр-аль-Бустан должна была получить за дочь, и это были свертки дорогих тканей, и мешочки мускуса, и шкатулки с драгоценными камнями, и два кинтара золота, отвешенного в прочных кожаных мешках. И все это отнесли домой к Захр-аль-Бустан.

А евнух Кафур узнал об этом, и поспешил к Анис-аль-Джалис, и осведомил ее о договоре. И они посоветовались, и решили немного обождать, но ожидание их было напрасным, ибо царевич выздоровел и приступил к своим обычным занятиям, и не было в нем желания входить к Анис-аль-Джалис. И он раз в несколько дней посылал аз-Завахи осведомиться о состоянии Захр-аль-Бустан, и с нетерпением ждал появления на свет ее дочери.

И когда Анис-аль-Джалис поняла, что царевич и впредь будет пренебрегать ею, то она озлобилась, и решила отомстить царевичу, и призвала Кафура, и дала ему денег, и приказала похитить Захр-аль-Бустан из дома ее мужа и продать ее бедуинам, чтобы они увезли ее далеко в пустыню, и у царевича не осталось бы пути к ней. И Кафур вышел из дворца, и нашел людей, согласных за деньги похитить Захр-аль-Бустан, и пошел на рынок работоторговцев, и узнал о бедуинах, желающих приобрести красивую невольницу, и он тратил деньги Анис-аль-Джалис, пока не исполнил ее приказания.

Когда же аз-Завахи по велению царевича пошла навестить Захр-аль-Бустан, то увидела, что ворота ее дома распахнуты, и со двора доносятся крики, и войдя она увидела невольниц,

которые рвали на себе волосы и царапали себе лица. И они осведомили аз-Завахи, что их госпожа похищена.

Тогда старуха поспешила обратно во дворец, но побоялась сообщить эту печальную весть царевичу, а направилась к его воспитателю, мудрецу Барзаху. И они обсудили это дело и пришли к мнению, что Аллаху неужгодно было сватовство к нерожденной невесте и его прогневил договор между Салах-эд-Дином и Захр-аль-Бустан. И они известили царевича о том, что муж Захр-аль-Бустан увез ее из города, и не стали принимать никаких мер к ее отысканию.

А царевич Салах-эд-Дин сильно тосковал по Захр-аль-Бустан, и с нетерпением ждал рождения ее дочери Шеджерет-ад-Дурр, и он очень беспокоился ее отъездом, ибо он боялся, что ее муж узнал, что она приходила в царский дворец, а потом получала богатые подарки. И он ждал от мужа Захр-аль-Бустан наихудшего для нее.

И однажды ночью Салах-ад-Дин не мог заснуть, и грудь его стеснилась, и он поднялся с постели, не разбудив своих невольников, и вышел, и пошел по переходам и лестницам, и вдруг видит, что он на крыше дворца! А эта крыша была плоской и обширной, и на ней стояли деревья в серебряных сосудах, и было их триста или более того. И он сел под одним деревом, и задумался, и стал как бы спящий. И его отвлекли от мыслей два голоса, голос его наставника, мудреца Барзаха, и его няньки, аз-Завахи. И царевич прислушался, и приблизился к говорящим, и они его не заметили, а он встал за серебряной кадкой с деревом и слушал.

А ночь эта была из тех ночей, когда могущественный Сулейман ибн Дауд собирал в своем подземном дворце мудрецов, звездочетов и магов, и беседовал с ними, и учил их, и разбирал их споры. И они повиновались Сулейману ибн Дауду, ибо он превосходил их во всех искусствах, и был обилен знаниями, и владел талисманами, и они ели и пили в его дворце, а потом подвластные Сулейману ибн Дауду джинны разносили их – каждого в его страну и в его город.

И мудрец Барзах был из числа тех, кто приближен к трону, и стоял у трона Сулеймана ибн Дауда с левой стороны. И прилетевший за ним джинн взял его, и понес, и принес в подземный дворец, и Барзах вошел в тронный зал, и поклонился Сулейману ибн Дауду, и приветствовал других мудрецов. И они говорили о вещах, недоступных простому разуму, и великий Сулейман сказал свое слово, после которого все замолчали, поскольку это было слово мудрости, к которому ни прибавить, ни убавить.

И вдруг в полной тишине раздался некий звук. И все посмотрели – и увидели, что звук издал мудрец и звездозаконник из харранских звездозаконников, а Харран славится ими, старый и дряхлый, которого звали Сабит ибн Хатем. И тогда Сулейман разгневался и повелел наказать Сабита ибн Хатема за непочтительность.

– О великий Сулейман, яви милосердие рабу твоему! – взмолился звездозаконник Сабит ибн Хатем. – В том, что сейчас произошло, нет моей вины, ибо каждое мое движение предопределено судьбой и звездами.

И тогда Сулейман спросил у прочих мудрецов, что думают они об этом деле.

А первым он приказал говорить Барзаху, который был среди них младшим.

И Барзах обрадовался, и возгордился, и захотел показать себя сведущим и непреклонным в таких делах, чтобы добиться уважения старших по возрасту и званию.

– Что за вздор несет сей непристойный перед твоим лицом, о Сулейман? Подобные разглагольствования о судьбе – сущие выдумки! – сказал мудрец Барзах, указывая на Сабита ибн Хатема. – К ним прибегают грешники и язычники, дабы оправдать безнравственные поступки, а ты ведь знаешь, что жители Харрана не признали Аллаха и Его посланника. Они нарушают клятвы, и ввергают в бедствия правоверных, а потом говорят, что таково было веление звезд и судьбы. Вот я, например, не верю ни в какую судьбу, а лишь в волю Аллаха.

А сказал это Барзах потому, что он был врагом этого звездозаконника и всех звездозаконников из Харрана, и желал восстановить против него великого Сулеймана, и сокрушить

его, и удалить от трона Сулеймана ибн Дауда, чтобы впредь не иметь в харранских мудрецах соперников.

Но эти слова пришлись по душе всем мудрецам из Магриба и не по душе великому Сулейману, который был послушен завету Аллаха и не допускал несправедливости в делах между правоверными и язычниками. И он повелел звездозаконнику Сабиту ибн Хатему открыть свои книги и посмотреть, какая судьба ждет рожденных в эту ночь. И Сабит открыл книги, и смотрел на небо, и ему принесли доску с песком, и он чертил на доске знаки, а потом поднял голову и сказал:

– О мудрый Сулейман, не слушай Барзаха, потому что скоро он сам убедится в своей глупости и оплатит свой вздорный нрав. Да будет тебе известно, что этой ночью у эмира, живущего в Афранджи, родилась дочь, и волей судьбы, когда она достигнет брачного возраста, ей суждено стать женой старшего сына некоего царя из царей, правящих арабами, которому этой же ночью исполнилось десять лет его жизни. И как бы ни стремился весь мир помешать этому, ничто уже не способно изменить predetermined судьбой.

– Сущая нелепость! – воскликнул Барзах. – Как это судьба мальчика из восточных земель может сочетаться с судьбой девочки из западных земель? И как дочь знатного франка, христианка по вере, может стать женой правоверного? Я не стану кривить душой, о великий Сулейман, и я утверждаю, что судьбу этого мальчика и этой девочки изменить так же легко, как стереть знаки, написанные Сабитом на песке. Если ты пожелаешь, я готов совершить это! И тогда посмотрим, кто из нас прав перед тобой – я или этот несведущий Сабит!

– Хорошо, о Барзах! – сказал тогда великий Сулейман. – У дочерей франков брачный возраст наступает позже, чем у дочерей правоверных. Сейчас мы запишем договор между тобой и Сабитом ибн Хатемом, а в договоре будет сказано: через двадцать лет все мы встретимся и проверим, кто из вас оказался прав, и тот, на чьей стороне истина, получит мой перстень, дающий власть над войском правоверных джиннов, и будет владеть им до самой своей смерти, а потом перстень вернется ко мне. Тот же, кто окажется неправ, будет удален от моего престола, и лишен помощи и поддержки подвластных мне джиннов, и лишится своего ремесла, и своего имущества, и станет бездомным нищим, переходящим от порога к порогу, и будет пребывать в этом состоянии, пока все вы, мои собеседники и сотрапезники, дружно за него не попросите.

И Барзах обрадовался, потому что впереди у него было двадцать лет, и он мог настроить мудрецов против Сабита ибн Хатема, и он уже предвкушал, какие блага даст ему перстень Сулеймана.

– Но до истечения двадцати лет Сабит ибн Хатем не может вмешиваться в течение событий, предупреждать и направлять, изменять и нарушать, о великий Сулейман! – сказал он. – Я же сделаю так, что его предсказание не сбудется.

– Да будет так, по воле Аллаха! – согласился Сулейман. – Но, как только пройдет с этого часа двадцать лет, он может вмешиваться в течение событий, чтобы доказать свою правоту, а ты, о Барзах, теряешь это право! И берегись, если окажется, что девушка или юноша погибли!

И Сулейман призвал своего визиря, Асафа ибн Барахию, и они составили договор, и записали его золотыми буквами, и Сулейман взял его и отдал своим слугам, чтобы они положили его на хранение в сокровищницу. И собрание разошлось.

А когда джинн доставил Барзаха во дворец царя Садр-эд-Дина, мудрец не остался в своих покоях, а направился к женским покоям, и велел невольнице позвать к нему аз-Завахи, и старуха поднялась, и явилась, и осведомилась о причине их встречи. И Барзах рассказал ей о споре, который вышел у него с мудрецом Сабитом ибн Хатемом. А старуха была обязана Барзаху, потому что он помог ей скрыть правду о похищении Захр-аль-Бустан.

– О матушка! – сказал ей Барзах. – Нет для нас в этом деле хитрости кроме твоих хитростей! Мы непременно должны выкрасть у франкского эмира дочь, и заменить ее на дочь простой женщины, и в этом наше спасение. Если мы украдем мальчика, то это дело сразу же

раскроется, ведь он уже большой, и рабы его отца знают его в лицо. А новорожденные все одинаковы. И мы должны спрятать дочь франкского эмира так далеко, чтобы никто и никогда не нашел ее, кроме нас с тобой. И пусть она достигнет брачного возраста и выйдет замуж за простого человека, горожанина или даже кочевника. А когда настанет должный час, мы покажем ее великому Сулейману и унизим презренного язычника Сабита!

– О сынок! – сказала ему на это аз-Завахи. – Где Афранджи и где ты? И ведь это большая страна, покрытая лесами, и немногие из наших купцов осмеливаются путешествовать по ее дорогам. Нет у меня хитрости, чтобы достичь Афранджи и выкрасть оттуда дочь эмира.

– А что ты скажешь, матушка, о кувшине, который хранится у тебя в сундуке? – спросил Барзах. – Только в нем мое спасение, да хранит нас Аллах великий, могучий!

– Молчи, о несчастный! – возразила аз-Завахи. – Если могущественному Сулейману ибн Дауду станет известно, что мы призвали на помощь раба кувшина, пропали наши головы! Кувшин мне вручен лишь на хранение, и я призываю раба кувшина не чаще раза в год, и не заставляю его делать ничего такого, что вскоре стало бы явным и привлекло внимание недоброжелателей!

Но Барзах позвал раба, и велел принести из своих покоев шкатулки с золотом и драгоценными камнями, и улещивал старуху хитрыми словами, и клал перед ней сокровища, пока она не согласилась и не принесла кувшин. И старуха аз-Завахи прогнала всех невольниц, и осталась наедине с Барзахом, и взяла его за руку, и повела за собой по переходам и лестницам, и вдруг они оказались на крыше дворца. И оттуда был виден весь город, и предместья, и реки, и дороги.

А еще аз-Завахи взяла с собой серебряную доску с песком, и они с Барзахом погадали, и оказалось, что франкского эмира зовут Бер-ан-Джерр, но смысла имени они не уразумели.

Потом старуха аз-Завахи сделала над кувшином знаки, и натерла его крышку порошком, и велела Барзаху снять с крышки свинцовую печать и открыть ее. И Барзах сделал все, что ему было велено, и вдруг из кувшина пошел светлый дым, а из дыма раздался голос, подобный голосу юноши, сына четырнадцати лет, нежный и благозвучный. И это был голос джинна, раба кувшина.

И он явился перед ними в виде юноши, прекрасного лицом и чисто одетого, с лицом как месяц и глазами, словно у гурии, сияющим лбом и румяными щеками, с молодым пушком и родинкой, как кружок амбры.

Но царевич, который как раз в это время подкрался к Барзаху и аз-Завахи, не удивился, потому что он знал о тайных способностях своего наставника, и Барзах научил его некоторым хитростям, которые известны магам. А о том, что его старая нянька аз-Завахи тоже занимается колдовством, царевич еще не знал. И он стал смотреть, что будет дальше.

Когда раб кувшина вышел и принял благообразный вид, старуха аз-Завахи приказала ему:

– О Маймун ибн Дамдам, о раб кувшина, в эту ночь у одного из знатных франкских эмиров, чье имя – Бер-ан-Джерр, родилась дочь. Лети же, и найди ее, и незаметно вынеси из дворца ее отца, и принеси девочку сюда! А потом найди какую-нибудь другую новорожденную девочку и отнеси ее во дворец эмира.

– На голове и на глазах! – отвечал раб кувшина, и поднялся в воздух, и расширился, и заблистал, и из глаз его посыпались искры, и он исчез, а Барзах с аз-Завахи остались его ждать. И они сидели на крыше, и читали заклинания, удерживающие джинна Маймуна ибн Дамдама в повиновении, и вдруг он появляется с младенцем на руках!

– Как удалось тебе унести девочку из дворца, о раб кувшина? – спросила аз-Завахи. – Не замечено ли ее отсутствие?

– Этот дворец – всего лишь высокая башня из больших серых камней, о госпожа, и если бы она была опрокинута и погрузилась в землю, я не отличил бы ее от большого заброшенного

колодца из тех колодцев, в каких обитают джинны, – отвечал раб кувшина. – В помещении, где я нашел ребенка, нет дорогих украшений, и наилучшее из них – свисающий кусок ткани с изображением обнаженных мужчин и женщины, и между ними растет яблоня, и на ветвях ее – змей. Женщины, которым эмир доверил ухаживать за своей дочерью, спят крепким сном, который я навел на них, и не скоро проснутся, о госпожа. И старшая среди них, родная сестра матери эмира, тоже спит, и ее-то следует бояться больше всего, ибо на ее груди знаки мудрости и силы, и она единственная может догадаться, что ребенка подменили.

– Что за знаки мудрости и силы ты обнаружил? – спросила аз-Завахи. – Рассказывай все по порядку.

– Я обнаружил ожерелье, в котором золотые цепи переплетены с серебряными, и оно с тремя черными камнями, два из которых продолговатые, и это отшлифованный агат, а один, в середине, – круглый, и это черный хрусталь. Они огранены плоско, как большие изумруды, и на камнях изнутри вырезаны знаки, которые видны, если посмотреть на свет, о госпожа. А эти камни со знаками окружены другими камнями, мелкими и хорошо отшлифованными, и среди них особенно выделяется превосходный черный оникс. И еще на ее груди висят маленькие изображения разных людей, и я не знаю, что они означают, – отвечал раб кувшина.

– Изображения людей означают всего лишь то, что она верует в Ису и Мариам, а ожерелье с камнями потеряет свою силу, когда ты обвяжешь его моим волоском, который я тебе дам, – сказала аз-Завахи. – И этот волосок должен быть незаметен. А теперь покажи нам младенца, ибо мы должны пометить девочку знаком, который потом поможет ее найти.

И раб кувшина положил девочку к ногам аз-Завахи, и она развернула пеленки, и рассмеялась, и стала бить в ладоши.

– Что с тобой, о аз-Завахи? – спросил тогда Барзах. – Что привело тебя в такое состояние?

– Это дитя незачем метить! – воскликнула старуха. – Ибо родители его прогневили Аллаха. Девочка родилась уродливой, она вырастет уродливой и не найдет человека, который пожелает взять ее в жены, разве что слепой, собирающий себе на пропитание у ворот мечети!

А царевич Салах-ад-Дин следил за ними, и изумлялся, и поражался. И он понял, что его старая нянька владеет тайнами колдовства, и скрывает это, и не будет у него пути к ее тайнам, если он сейчас же не обратится к няньке и не попросит ее о помощи.

И он вышел из своего укрытия, и бросился к аз-Завахи, и поцеловал землю между ее руками, и взмолился.

– О матушка! – сказал царевич. – Тебе известны мои обстоятельства, почему же ты до сих пор молчала о том, что у тебя есть кувшин и раб кувшина? Никто не вернет мне Захр-аль-Бустан, кроме Маймуна ибн Дамдама!

И аз-Завахи испугалась, и прервала заклинание, и посмотрела на Барзаха, а Барзах испугался и посмотрел на аз-Завахи. И оба они подумали об одном и том же. Ведь царевич подслушал их разговор, и узнал их тайну, и он...

– Что ты дергаешь меня за халат, о несчастный? Ах, да... Горло у рассказчика пересохло, о правоверные! Рассказчик устал и нуждается в отдыхе! Он нуждается в большой кружке ивового сока, которую никто не нальет ему без денег! Дайте кто сколько может, во имя Аллаха великого, могучего! А когда рассказчик отдохнет, вы услышите, как подменили новорожденных детей, как они выросли, как царевич Салах-эд-Дин искал свою невесту, как дочь франкского эмира встретила своего жениха, и что из всего этого вышло! Расходитесь, расходитесь, о правоверные! Дайте рассказчику промочить глотку...

* * *

И правоверные разошлись, но с большой неохотой. Причем маленький сердитый медник Али сказал большому и благодушному бакалейщику Хасану, чья прекрасная, крашенная хенной борода была гордостью всего базара:

– Больше не заманят меня эти проходимцы слушать свои сказки! Уже третий раз я забываю обо всех делах, и останавливаюсь, и рассказчик начинает историю о царевиче Салах-эд-Дине, и всякий раз, как доходит до того, как он на дворцовой крыше подслушивает мага Барзаха, у него, словно нарочно, пересыхает в горле!

– Не вопи так, о Али! – шепотом приказал ему бакалейщик. – Разве ты не видишь?

– Воистину, ты прав... – шепотом же отвечал медник, кинув взгляд туда же, куда и Хасан. И оба увидели совсем близко от себя закутанную в шелковый изар женщину, которая, очевидно, тоже остановилась послушать историю, а теперь слушала сердитую речь Али. И это была женщина стройная и соразмерная, благоухающая мускусом, а рядом с ней стояла старуха, бедствие из бедствий, с отвислыми щеками, редкими бровями, выпученными глазами, сломанными зубами, пыльной головой, и седыми волосами. И если молодой женщине изар нужен был, чтобы скрыть ее красоту и прелесть, то старухе – чтобы скрыть уродство. Стояла также рядом с ними невольница, и у нее на руках был маленький ребенок в расшитой золотом рубашечке, а у старухи – большой узел.

– Эти женщины посетили хаммам, ведь сегодня там женский день, они вышли оттуда утомленные, остановились у дверей и тоже заслушались рассказчика, а теперь глядят на нас так, будто красавица хочет подослать к нам старуху, – с немалой гордостью прошептал бакалейщик, оглаживая свою замечательную бороду. – И, клянусь Аллахом, я не доставлю красавице разочарования!

– Зато она доставит разочарование тебе, о Хасан! – ехидно сказал медник. – Погляди, куда поспешила старуха! А молодая встала с невольницей за угол и смотрит исподтишка, чем окончится это посольство!

– Что нашла она в этом голодранце? – искренне удивился бакалейщик. – Он даже не сможет сделать ей подарка. А у меня в лавке она набрала бы себе полную корзину очищенных фисташек, и тихамского изюма, и яблочной пастилы, и пряников с лимоном, и марципанов, и халевских лакомств с засахаренным миндалем!

– Очевидно, все дело в бороде... – прошептал медник. – Борода у него вдвое больше твоей, и клянусь Аллахом, тут дело нечисто! Не может у правоверного вырасти такая огромная борода!

А рассказчик и его ученик оба были обладателями бород поразительной длины и ширины. И у рассказчика Саида она была черная, блестящая, с изгибами и завитками, не длинная, но широкая, а у его ученика Мамеда – крашенная хной, лежащая волнами, наподобие овечьей шерсти. И они собирали свое имущество, не заботясь о том, что медник и бакалейщик стоят рядом и злословят о них.

– Бери коврик, скамейку и книгу, – говорил Мамеду Саид. – Ты читал совсем неплохо, о Мамед. Посмотри, сколько дирхемов лежит на твоём коврике! Пожалуй, хватит и на цыплят, и на рис, и на то, что якобы запретил Аллах... Не забудь заложить в книге страницу, на которой ты остановился.

– Чем же я ее заложу? – спросил Мамед. – Я не взял с собой подходящего шнура, о Саид.

– Впредь будешь брать, а пока воспользуйся моим, – сказал Саид, достав из рукава шнурок, голубой с желтым. – Куда это ты смотришь и что ты там увидел такого, что рот твой открылся, а брови всползли под самый тюрбан?

– Гляди, кто к нам идет, – прошептал Мамед. – Старуха-посредница!..

– Я же говорил, что ремесло рассказчика принесет тебе удачу, о Мамед! – обрадовался Саид. – Часто ли искали тебя старухи-посредницы во дворце повелителя правоверных?

И верно – к возвышению, на котором Саид и Мамед считали дирхемы, подошла, ковыляя, старуха и обратилась к Мамеду.

– Мир тебе, о рассказчик! – сказала она. – Что ты скажешь о том, чтобы посетить женщину, молодую вдову, которой понравились твои речи? Ты мог бы рассказать ей кое-что из своих историй у нее в доме, чтобы она и ее женщины послушали из-за занавески. И мы хорошо отблагодарим тебя, клянусь Аллахом!

– Привет, простор и уют тебе, о матушка! Вот одно из преимуществ нашего ремесла! – воскликнул Саид. – Нас, рассказчиков, охотно слушают даже самые благочестивые из женщин. И если им приятны наши голоса и наши лица, они находят способы вступить с нами в сношения. Забирай его, о матушка, веди его к своей госпоже! Ступай, о Мамед, а я возьму коврик, скамеечку и книгу.

– Не тронь книгу, о несчастный, она мне понадобится, – возразил Мамед, но Саид уже сунул себе под мышку и свернутый коврик, и книгу, и успел поднять скамеечку.

– Пойдем, о рассказчик, – сказала старуха, и вцепилась Мамеду в рукав, и потащила его за собой, а медник и бакалейщик глядели на них издали и держались за животы от смеха.

– Хотел бы я, чтобы это скверная старуха ухватила его за его рыжую бороду, о Хасан! – сказал медник. – И мы увидели бы, что эта прекрасная борода осталась у старухи в руках, и с нее свисают шнурочки и петельки, которыми она закрепляется на ушах! Вот было бы непотребное зрелище, клянусь Аллахом!

Но старуха и без такого непотребства повела за собой Мамеда, и свернула с ним за угол, и пошла по узкой улице, поднимаясь со ступени на ступень, и подошла к воротам, и постучала, и ворота отворились, и они вошли в узкий проход, и сделали два поворота, и оказались во дворе.

– Садись на скамью, о рассказчик, и продолжай! – велела старуха. – Моей госпоже так понравилась твоя история, что она заплатит тебе за продолжение золотой динар. Она опередила нас, и уже вошла в дом, и сейчас она сидит у окна за вышитой занавеской, как раз над твоей головой, и слушает тебя.

– Я не могу рассказывать без книги, – сказал Мамед, с немалым любопытством озираясь по сторонам.

– Рассказывать – твое ремесло, – возразила старуха, – и мы непременно желаем знать, чем окончилась история царевича Салах-эд-Дина. Отыскал ли он Захр-аль-Бустан? Родила ли она дочь? Взял ли он эту дочь в жены?

– Я ничего не знаю, о женщина! – воскликнул Мамед. – Я такой же рассказчик, как и ты! Превратности судьбы лишили меня высокого положения, и меня приютил человек, который забавляет горожан длинными историями, и стал учить своему ремеслу, и сегодня я впервые говорил перед ними, Аллах мне свидетель!

– Разве он не заставил тебя выучить эту историю? – изумилась старуха.

– Я все время смотрел в его книгу, – признался Мамед.

– Стало быть, этот рассказчик знает грамоту, и все его истории записаны в книге? – осведомилась неумная старуха. – В той самой, которую он забрал и унес?

– Разумеется, он знает грамоту, и читает книги, и знает стихи поэтов, и Коран, и хадисы, и предания, о женщина! – сказал Мамед. – А теперь, если у тебя нет ко мне иного дела, отпусти меня, и я пойду к нему, ибо скоро мне пора опять садиться на возвышение, чтобы созвать слушателей и продолжать историю.

– Я пойду к своей госпоже, и мы обсудим с ней это обстоятельство, а ты сиди на скамье и жди меня, о неумелый рассказчик! – велела старуха. – И не вздумай уйти!

– Что удержит меня, если я пожелаю уйти, о женщина? – строптиво осведомился Мамед.

– Ко мне, о Рейхан! – позвала старуха. – Ко мне, о брат своего брата!

И на этот странный призыв из дома вышел чернокожий раб огромного роста, в синих шароварах со многими складками, обнаженный по пояс, и на боку у него был ханджар в тисненых ножнах, а за пояс была заткнута большая джамбия, изгибом кверху, и запястья его рук были обмотаны ремешками, и эти ремешки были тесно усажены железными бляшками, так что удар его руки выбил бы даже створку больших ворот. И по виду он был из тех рабов, которых владыки берегут на случай бедствий, а Мамед, как он сам признавался Саиду, еще недавно был придворным поэтом и видел молодцов, охраняющих внутренние покои дворца. И он изумился тому, что к обычной горожанке приставлена такая охрана.

Этот устрашающий сердца раб подошел к Мамеду, оглядел его, обошел со всех сторон и обратился к старухе с такими словами:

– Не будет от этого человека беды, о матушка, ибо он невысок ростом, толст брюхом, пуглив и вино повредило ему рассудок. Он выполнит все, что ты ему прикажешь, без всякого принуждения, и нет тут надобности во мне.

Мамед же сперва съехался, увидев этого великана, так что голова его ушла в плечи, и колени его сами собой подогнулись, а руки повисли, как две мягкие веревки. Но услышав голос Рейхана, в котором не было ни ярости, ни желания причинять зло, Мамед собрался с духом, и выпрямился, и даже посмотрел раба в лицо, что было затруднительно, ибо Мамед действительно был ниже обычного для детей арабов роста.

– Сядь на скамью и жди, как тебе велено, о человек, – сказал Рейхан. – И не сердись хозяек этого дома.

Тут лишь Мамеду пришло на ум, что раб чересчур непочтителен, и даже со старухой он говорил так, как если бы был одним из хозяйских сыновей, а не купленным рабом. А богато украшенная отшлифованными камнями рукоять длинного ханджара еще больше укрепила Мамеда в его подозрениях, ибо он, как человек придворный, знал цену камням и хорошему оружию.

Пока Мамед разглядывал подозрительного раба, старуха ушла и в непродолжительном времени выглянула в окно.

– Нет нам больше нужды в тебе, о рассказчик, – обратилась она к Мамеду. – Возвращайся туда, где мы тебя взяли, и вот тебе за хлопоты.

Из окна вылетел завязанный узлом платок, и звякнул о каменную плитку, и Мамед понял, что в платке несколько монет. Он подобрал деньги, и поднес к носу платок, и нос его уловил запах дорогих курений.

– А ты, о Рейхан, пойдешь за ним следом, и найдешь хозяина книги, по которой этот несчастный читал свою историю, и купишь эту книгу за любые деньги! – перебил старуху звонкий женский голос, и обладательница его была молода годами, но уже приобрела привычку приказывать.

Мамед немало лет посещал дворец, и ему доводилось слышать разные женские голоса из-за парчовых и шелковых занавесок, и он гордился тем, что по голосу и выговору мог определить, откуда привезли певицу – из Синда, из Медины, из Кандахара, а также где ее обучали – в Мекке или Багдаде. Голос этой женщины, казалось, никогда не покорялся плавному течению мелодии и ее прихотливому ритму. Мамед даже подумал было, что такой голос скорее подстать юноше, привыкшему, играя в конное поло, перекликаться с игроками своего отряда. И смутил его выговор незнакомки, по которому невозможно было определить, откуда она родом, однако же ясно было, что женщину привезли издалека.

Вместо того, чтобы, поблагодарив за подарок, поспешить к Саиду, Мамед замер, как нарисованный, и вдруг на губах его, еле видных из-под длинных усов, того же качества, что и борода, обозначилась радостная улыбка.

– На голове и на глазах, о госпожа! – отвечал Рейхан. – Я пойду с рассказчиком, а вы закройте ворота, и пусть ни одна из невольниц не выходит! Пойдем, о рассказчик. Не стой посреди двора, как упрямый ишак, иначе я возьму тебя под мышку и вынесу, как сундук.

И они вышли из ворот, и ворота за ними немедленно замкнули, и Мамед, поспешая за Рейханом, несколько раз обернулся, желая запомнить дорогу. Он уже не удивлялся тому, что чернокожий великан даже не взял у своих хозяек денег, чтобы приобрести книгу. Очевидно было, что Рейхан имел при себе столько, что хватило бы на много таких истрепанных книг, как у Саида, в переплетах совсем от других сочинений, давно истлевших.

Они пришли к воротам хаммама, чей высокий черный купол с круглыми окнами был виден издалека, и обошли его, и углубились в переулок, и вошли в дом, где поселился рассказчик Саид, но ни его, ни книги не обнаружили, а невольница Ясмин тоже не смогла сказать ничего вразумительного, и Мамед заподозрил, что причиной тому – кувшинчик со сладким хорасанским вином. По ее словам, ее хозяин Саид как вышел после третьей молитвы вместе с Мамедом, велел ей приготовить ужин, так более и не возвращался, и его книга, подстилка и скамеечка – равным образом.

– Может быть, его пригласил кто-то из слушающих, и взял его в свой дом, и он там рассказывает истории для семьи того человека за хорошие деньги? – предположил Мамед. – Или же он пошел по своим делам и, не заходя домой, вернулся к хаммаму, а теперь созывает слушателей, сердясь, что я куда-то запропастился, и призывая на мою голову все кары Аллаха!

– Вернемся к хаммаму, о рассказчик, – сказал Рейхан, и это был голос человека, привыкшего повелевать.

Но и там не обнаружили они Саида, хотя собралось немало желающих послушать продолжение истории.

– погоди, о Рейхан! – воскликнул вдруг Мамед. – Клянусь Аллахом, я вижу, кто нам поможет в наших поисках! Вот стоит банщица из хаммама, закутанная не в изар, а в какую-то драную тряпку! Саид не раз говорил мне: «Посмотри на эту бездельницу, о Мамед! Вместо того, чтобы делать дело, к которому приставил ее хозяин хаммама, она так и норовит выскочить ради моих историй, накажи ее Аллах!» Может быть, Саида позвал в гости хозяин хаммама?

– Ты прав, о рассказчик, – сказал Рейхан, и подошел к банщице, и обратился к ней:

– О сестрица, не видела ли ты, куда ушел человек, рассказывающий обычно здесь, на возвышении, диковинные истории?

Но вместо того, чтобы ответить, банщица вдруг опрометью кинулась к воротам хаммама. Рейхан и Мамед в недоумении переглянулись.

– Неужели Аллах поразил ее безумием? – удивленно спросил Рейхан, хотя рабам полагалось бы молча ждать, что скажут свободнорожденные.

– Нет, о Рейхан, – сказал Мамед, обернувшись. – Это идет хозяин хаммама, и она просто испугалась. Сейчас я спрошу, не видел ли он Саида...

Тут Мамед замолчал, хотя самое время было бы поклониться хозяину хаммама, подошедшему к нему совсем близко.

Это был статный и красивый мужчина, обладатель черных глаз и сходящихся бровей, с аккуратно подстриженной бородой, и облик его внушал почтение, но странным показался Мамеду сверток, что хозяин хаммама нес под мышкой. А нес он немалой величины предмет, обернутый старым шелковым платком, и с края платок разошелся, и виден был угол книжного переплета, и свисал заложенный между страниц плетеный шнурок, желтый с голубым.

Хозяин хаммама быстрым взглядом смерил Рейхана и Мамеда и, ловко скользнув между ними, исчез в воротах раньше, чем Мамед опомнился от своей растерянности.

– Не нужно было мне сегодня пить это вино из фиников, – сказал Мамед Рейхану, как бы оправдываясь за свою нерасторопность и изумление. – Воистину, покарал меня Аллах, лишив всякого соображения! Идем, о Рейхан, догоним его!

– Ты прав насчет соображения, о господин, – отвечал ему Рейхан. – Если мы сейчас войдем в хаммам, то поднимем шум на весь город. Ведь сегодня там женский день.

– Я напрочь забыл об этом, о Рейхан... – пробормотал Мамед. – Странные дела творятся сегодня со мной попусшением Аллаха великого. Неужели все это – из-за кувшина финикового вина, которое и вином-то по-настоящему назвать нельзя, ибо оно – не из винограда? Я всегда полагал, что оно дозволено правоверным...

– Очевидно, тебе, о господин, лучше было бы сегодня обойтись молоком, – заметил Рейхан.

– Да, бывало, что пили люди молоко, являя тем самым свою глупость, особенно если владела ими скупость или у них были слабые поджилки, – сердито отвечал Мамед, – но мы, слава Аллаху, не из таких!

И Рейхан низко склонил голову, как бы признавая превосходство Мамеда над презренными, пьющими молоко, но поскольку чернокожий был огромного роста, а Мамед – роста невеликого, то и увидел несостоявшийся рассказчик, что поклон был всего лишь способом скрыть внезапную и неудержимую улыбку.

* * *

Сбежавшая от Мамеда с Рейханом банщица влетела в ворота хаммама, едва не сорвав висевшую перед входом занавеску – знак того, что в этот день баня принадлежит женщинам. Она столкнулась с выходящими из раздевальни посетительницами, отскочила назад, извинилась и вжалась в стенку. Банщица была уверена, что хозяин не воспользуется главным входом, чтобы не смутить женщин, которые еще не закрыли своих лиц покрывалами и изарами, и все же испуг ее был велик.

– Что ты мечтаешь, о Джейран, порази тебя Аллах? – спросила ее служительница, сидящая у дверей, чтобы собирать у выходящих деньги. – Ты точно старуха, что выжила из ума и не отличает четверга от субботы! Беги в парильню, о несчастная! Тебя заждалась богатая посетительница! Да не смотри на меня так, о исчадьё шайтана!

Джейран, не ответив ни слова, метнулась в дверь раздевальни, а женщина схватилась рукой за ладанку, висевшую у нее на поясе, и прошептала довольно громко:

– Чур меня, чур от зла и сглаза, от короткого носа и синего глаза!

В раздевальне Джейран положила на скамью два дорогих кованых браслета, которые держала зажатými в руке, дернула за шнурок, удерживавший на ее голове изар, но чересчур торопилась – и ветхий шнурок, пришитый к не менее ветхой ткани, лопнул. Под соскользнувшим на пол изаром на девушке была лишь короткая, всего по колено, и широкая нижняя рубаша – правда, чистая, ибо хозяин хаммама требовал от банщиц и банщиков безупречной белизны рубаш, повязок и покрывал. Джейран свернула изар, положила на скамью и старательно упрятала браслеты в его складках. Затем она стряхнула с ног кожаные туфли, вышивка на которых истрепалась и залохматилась, и сунула смуглые сухие ступни в большие деревянные башмаки.

Посреди раздевальни был устроен фонтанчик с холодной водой, и Джейран подошла напиться. Но тут из предбанника вышла разносчица воды со своим медным кувшином. Джейран отстранилась, чтобы девушка наполнила кувшин.

– Где ты пропадаешь, о несчастная? – добродушно спросила ее разносчица. – Раздевайся скорее и соберись с силами, ибо тебе потребуется все твое мастерство, о Джейран! Тебя ждет женщина, у которой мощные бедра, тяжелые ягодичы и широкие плечи! И намучаешься же ты, пока разотрешь и разомнешь это тело, клянусь Аллахом!

– Почему ты не боишься смотреть мне в глаза, о Наджия? – спросила Джейран, скидывая рубашу и наматывая на себя в три оборота набедренную повязку. – Разве ты не веришь, что голубые глаза приносят несчастье?

– Прежде всего они приносят несчастье тебе самой, о Джейран, – сказала рассудительная Наджия, на которой тоже не было ничего, кроме набедренной повязки, обмотанного вокруг головы полосатого покрывала и деревянных башмаков. – Все зло, какое только могут причинить твои глаза, они, по воле Аллаха, причиняют тебе самой. Так что на мою долю уже ничего не осталось и опасаться бессмысленно!

– Права ты, о Наджия, – сказала Джейран, – и не вижу я средства к спасению.

– На твоём месте я бы прежде всего выкрасила волосы, – заметила Наджия. – Ибо я и раньше служила в хаммамах, пока меня не переманил наш господин, и видела много женщин, не только черноволосых, но и светловолосых, и даже с волосами почти белыми. Но ни у кого и никогда не видела я серых волос, и это воистину наказание Аллаха. А если ты выкрасишь их хной, то они, возможно, даже станут мягче и не будут торчать наподобие колючек. Можно и так насурьмить глаза, что они будут казаться черными...

– Мы целые дни проводим в помещениях, где воздух насыщен водой, и вода оседает на наших лицах, о Наджия, и мои насурьмленные глаза будут еще хуже, чем ненасурьмленные, – упрямо возразила Джейран. – И можешь не говорить, что мне нужно больше есть, и есть сладкое и жирное! Раз уж Аллах не дал мне груди и бедер, какие нравятся мужчинам, то не спасут дела ни плав из риса с изюмом, ни лепешки из плотного теста!

С этими словами она покинула раздевальню и, торопливо обматывая вокруг головы покрывало, захватывая его складками пряди рассыпающихся волос, воистину серых, жестких и прямых, вроде конского хвоста, вошла в предбанник, а затем и в парильню.

И в предбаннике, и в парильне стоял невероятный галдеж, особенно в парильне, поскольку она была велика, и много в ней было устроенных по кругу ниш, а в середине имелся большой водоем с подогретой водой. И если из ниш доносилось лишь негромкое и блаженное кряхтенье, да изредка – вскрик от неловкого движения банщицы, то над водоемом, где плескались, плавали и ныряли обнаженные женщины, висел звон радостных голосов.

Джейран обогнула водоем и подошла к той нише, где обычно трудилась. Там действительно ожидала ее посетительница средних лет, которую Аллах щедро наделил всем тем, что привлекает мужские взоры, и она лежала на возвышении обнаженная и стонала, а две ее невольницы смачивали ей головную повязку холодной водой и почтительно ее утешали.

– О слезинка, мы испытываем тебя, лишь будучи в затруднении! – весьма учтиво обратилась эта роскошная женщина к Джейран, как бы не замечая ее голубых глаз и короткого, даже чуть вздернутого носа, что, впрочем, было и неудивительно – парильня, как ей и полагалась, была полна горячего пара. – Приди и покажи свое мастерство, о девушка, ибо я жестоко страдаю!

– Сперва я вымою тебя, о госпожа, – сказала Джейран, беря в правую руку пальмовые листья, а в левую – горсть муки из волчьих бобов. – Мы начнем с плеч и груди, потом вымоем тебе живот и ноги, и потрем их глиняной теркой, чтобы они стали нежными, как у младенца, а потом уж займемся твоей спиной.

– Мне не напрасно хвалили тебя, о девушка, ведь это ты – банщица Джейран, не знающая себе равных? – как бы спросила, но на самом деле вполне уверенно сказала посетительница. – А меня зовут Фатима, и я вдова купца, и приехала сюда по делам моего покойного мужа, и собрала деньги, которые остались ему должны здешние купцы. А в доме моей сестры, где я остановилась, нет ни мягких постелей, ни хороших ковров, так что спина моя похожа на живую рану, и ты верно это определила, клянусь Аллахом!

Не особенно прислушиваясь, Джейран размазала на плечах и на груди Фатимы бобовую муку и стала растирать ее круговыми движениями, сперва – слегка, потом – сильнее и сильнее, так что мука стала скатываться в колбаски и осыпаться с пышного и упругого тела женщины. Если Фатима и рожала, то не более одного раза – определила по ее груди Джейран, а уж заботилась о себе эта женщина постоянно, ибо кожа ее была гладкой, и изо рта у нее пахло приятно.

– Не умеют ли служительницы этого хаммама готовить снадобье, уничтожающее дурной запах подмышками, о Джейран? – вдруг спросила Фатима. – Один из должников моего покойного мужа отдал мне в счет долга невольницу, и она страшнее шайтана, и от нее пахнет, как от верблюда, и за всю свою жизнь она ни разу не мыла ноги.

– Мы делаем такое снадобье из красной мирры, которую толчем, смешиваем с уксусом и разводим розовой водой, – отвечала Джейран. – Есть и другое – из толченого гиацинта с уксусом и розовой водой. И мы готовим их про запас, так что когда ты будешь отдыхать в предбаннике, я принесу тебе их, о госпожа.

– Счастлив хозяин хаммама, которому Аллах послал такую умелицу, как ты, о Джейран! – воскликнула Фатима. – Должно быть, он препятствует твоему замужеству, чтобы ты не покинула его! Или он приблизил тебя к себе? Таких, как ты, нужно беречь и охранять, потому что они приносят благополучие тем, кто ими владеет!

– Для чего ему приближать меня к себе, когда он может купить красивую невольницу, о госпожа? И повернись, ради Аллаха, чтобы я могла наконец заняться твоей спиной, – строго сказала Джейран.

– А для чего ему покупать красивых невольниц, когда рядом есть ты? – с искренним удивлением поинтересовалась Фатима. – У тебя сильная шея, и широкая грудь, и втянутый живот, и груди твои невелики, но прекрасной формы, как две чаши. И талия у тебя тонкая, как у женщин Синда, а они ценятся среди знатоков!

– Аллах наказал меня голубыми глазами, о госпожа, – немало удивленная и обрадованная словами Фатимы, призналась Джейран. – Очевидно, ты не заметила этого...

– У многих невольниц-гречанок голубые глаза, и все же они ценятся за уступчивость и верность, так что их покупают за немалые деньги, – возразила Фатима с таким знанием дела, что Джейран забеспокоилась – не был ли покойный муж этой госпожи торговцем рабами и не помышляет ли Фатима о том, чтобы приобрести ее, Джейран. – Правда, у них обычно длинные и тонкие носы, а также мягкие черные волосы. Но мы-то с тобой знаем, о Джейран, за что любят нас мужчины!

Тут обе невольницы, молча наблюдавшие, как Джейран растирает спину их госпожи, негромко рассмеялись. Очевидно, их разговорчивая госпожа частенько держала речи о тайных достоинствах мужчин и женщин.

И действительно – немало знала веселая Фатима о мужских айрах и женских фарджах, об их свойствах, качествах и наилучших способах совокупления, и обо всем этом она говорила легко, радостно, как о наивысшем благе, но чем громче соглашались с ней невольницы, тем строже взглядывала на них Джейран и тем сильнее разминала она спину женщины, как бы вкладывая в каждое свое движение скопившееся за многие годы недовольство.

Наджия, подойдя, чтобы предложить подслащенной питьевой воды из медного кувшина, прямо заслушалась, посмеиваясь и кивая.

Однако Фатима, перечисляя хитроумные названия для айра и для фарджа, как бы не замечала упрямого молчания молодой банщицы. Вволю повеселив невольниц, смотревших на свою хозяйку влюбленными глазами, Фатима заговорила о том, что, по ее мнению, должно было бы понравиться Джейран. И это были недостатки женщин.

– Осваиваясь в жарком воздухе парильни, смотрела я на жительниц этого города, жен и наложниц купцов и купеческих сыновей, о Джейран, и ни одна не порадовала меня безупречной красотой, – сказала Фатима. – Ты недовольна своим носом и своими глазами, а ведь нос и глаза – из наименее заметных пороков, о Джейран! Нос и глаза мы прячем под покрывалом или под изаром, а куда спрячешь широкую талию, бугристую спину, и отвисшие груди, подобные содранным шкурам, и большие ноги? Когда мы заворачиваемся в изар, мы охватываем его тканью свои бедра и плечи, и даем правоверным случай оценить нашу походку, а до наших лиц

им нет дела, о Джейран, ведь даже жених впервые видит лицо невесты лишь после заключения брака.

Как бы нечаянно Фатима перечислила именно те недостатки, которых не было у угрюмой банщицы, и добилась-таки ее благодарной улыбки.

– Не увидела я в этом городе подлинной красавицы, – заключила Фатима, – и не о чем будет мне рассказать женщинам, когда я вернусь домой. Но, может быть, ты, о Джейран, видела здесь красивых женщин, достойных харима повелителя правоверных?

– Я каждый женский день вижу столько лиц и бедер, что смешались они в моих глазах и нет больше меж ними разницы, о госпожа, – отвечала Джейран. – Но как раз сегодня у нас побывала одна женщина, которая если и спасется, то только ради своей красоты, ибо нрав у нее прескверный.

– Разве это возможно? – удивилась Фатима. – Я всегда полагала, что красивой женщине Аллах дает и добрый нрав, потому что ей незачем завидовать, злобствовать и строить козни.

– Не все таковы, как ты, о госпожа, – возразила Джейран, и тут глаза банщицы встретились с глазами Фатимы, и снова робкая улыбка появилась на губах Джейран, а Фатима ответила ей улыбкой благодарной, поняв, видно, что не так уж часто девушка слышит от кого-то ласковое слово, и еще реже появляется у этой девушки желание ответить собеседнице таким же ласковым словом.

– И кто же эта злонравная? – спросила Фатима. – Видишь ли, о Джейран, у меня есть сын, и он слабого здоровья, и врачи сказали, что мне следует поспешить с его женитьбой, так что я всюду, где бываю, осведомляюсь о красивых девушках и женщинах, потому что мы, матери купцов, не должны пренебрегать молодыми богатыми вдовами, особенно если те красивы. А девственниц пусть покупают за большие деньги вельможи.

– Я не знаю, вдова ли эта женщина, или же ее муж жив, но путешествует, – сказала Джейран. – Но у нее есть маленький ребенок, которого приносит невольница, и она ждет с ребенком, пока его мать вымоют, и разотрут, и разомнут ей кости, о госпожа. А может, муж бросил эту женщину из-за ее скверного нрава. Она часто приходит в наш хаммам, и нет никому из-за нее покоя, потому что покрывала для нее недостаточно велики и чисты, и вода для питья слишком холодна, а вода в водоеме слишком тепла, и она всем приказывает и требует подчинения, и учит меня, как правильно растирать шею, о госпожа! Но красотой Аллах наделил ее воистину несравненной!

– Черны ли ее косы? – поинтересовалась Фатима для начала. – Длинные ли они?

– Когда она распускает косы, то стоит как бы в черном сверкающем шатре из вьющихся волос, так что не виден ни ее перед, ни ее зад, Аллах мне свидетель. И Наджия тоже может подтвердить, о госпожа, – Джейран показала на подавальщицу воды.

– И когда она погружается в водоем, то лицо ее окружено черной грозовой тучей, о госпожа, – добавила Наджия. – Только плавает она не как наши женщины, а загребает руками вот так! И волосы попадают ей под руки, мешая плыть.

Наджия показала, чуть не расплескав при этом воду из кувшина, как именно волосы попадают под руки красавице.

– Выходит, она не здешняя, – сделала вывод Фатима. – Ты прекрасно потрудилась, о Джейран, я чувствую себя словно тринадцатилетняя девушка. Сейчас я поплаваю в водоеме, а потом посижу в предбаннике и выпью чего-нибудь прохладительного... Что ты можешь принести, о подавальщица?

– У нас есть вода десяти сортов: розовая, померанцевая, сок кувшинок и ивовый сок, – принялась перечислять Наджия. – А еще я могу отрезать кусок арбуза и полить его соком сахарного тростника, о госпожа.

– Это будет превосходно! – воскликнула Фатима. – Ну-ка, зачерпни теплой воды и обмой меня, о Джейран, и вы, о девушки, тоже обливайте меня, чтобы ни крупинки бобовой муки не

осталось. Ты порадовала меня и облегчила мне душу, о Джейран. Что скажешь ты о том, чтобы оставить хаммам и перейти ко мне в услужение? Я охотно выкуплю тебя у хозяина хаммама, и ты будешь жить в моем доме, и я со временем найду тебе подходящего мужа, и дам приданое. А ты будешь хозяйничать в нашем маленьком домашнем хаммаме, и у тебя будут всего два посетителя, я и мой сын, но иногда я буду приглашать в гости своих подруг и родственниц, как у нас в городе принято, так что тебе придется трудиться в парильне целый день, но это будет не часто, клянусь Аллахом.

– Хозяин не продаст и не уступит меня, о госпожа! – быстро ответила Джейран. – Он сам обучил меня мастерству, и я зарабатываю для него немалые деньги, и я не покину его...

Услышав это, Наджия улыбнулась, и Фатима заметила эту улыбку, ибо Наджия как раз и хотела, чтобы улыбка не осталась незамеченной. И Фатима сделала Наджии знак глазами и пошла к водоему, покачивая бедрами, а Наджия пошла за ней следом, Джейран же осталась, чтобы вместе с невольницами приготовить для госпожи согретые покрывала.

– Клянусь Аллахом, ты знаешь, как уговорить Джейран, о девушка! – сказала Фатима, садясь на краю водоема возле большой каменной птицы, что извергала из клюва струю воды, и это была птица с человеческим лицом и орлиным клювом, и она имела четыре крыла, что никого не удивляло, потому что такие украшения были едва ли не в каждом хаммаме.

– Аллах свидетель, вот этого-то я как раз и не знаю, о госпожа! – прошептала Наджия. – Она влюблена в нашего хозяина, и любовь эта длится уже много лет, ведь он взял ее у шейха бедуинов еще совсем девочкой, в уплату за лечение, а теперь ей то ли девятнадцать, то ли двадцать лет, и она еще не знала мужчины. Джейран сгорает от любви, а ему нет до нее дела, о госпожа, и хорошо сделает тот, кто увезет ее из нашего хаммама, чтобы она забыла о хозяине, и утешилась, и позволила выдать себя замуж.

– Хорошо ты поступила, что сказала мне об этом, о девушка, – одобрила ее Фатима. – Я непременно увезу ее с собой! А теперь ступай и дай мне поговорить с Джейран. Видишь, она идет к нам с покрывалом?

Фатима соскользнула в водоем и, откинув на спину длинные волосы, поплыла, и с середины водоема сделала знак Джейран, и крикнула ей:

– Плыви сюда, о Джейран, и если кто-то расскажет твоему хозяину, что ты вместо работы плавала в водоеме, я найду, чем смягчить его гнев!

Девушка охотно оставила покрывала и прыгнула в воду.

– Как ты догадалась, что я люблю плавать, о госпожа? – спросила она.

– Все женщины из бедуинских племен, что растут в оазисах и до десяти лет бегают голыми вместе с голыми мальчишками, купаются с ними в заводях ледяных ручьев, и я знаю это, потому что видела своими глазами, – отвечала Фатима. – Жительницы городов избалованы теплой водой, а дочери истинных арабов находят удовольствие в холодной воде, о Джейран, разве я не права?

– Я прихожу поплавать сюда поздним вечером, когда водоем немного остывает, – призналась Джейран.

– Почему бы тебе, Джейран, не поехать со мной на месяц или на два, как позволит Аллах? – спросив это, Фатима перевернулась на спину и раскинула руки. – Мой сын нуждается в тебе, клянусь Аллахом, ибо он расслабленный, и у него плохая спина, и он больше лежит, чем ходит. А он у меня единственный, и я уже не рожу другого, и если ты поможешь его вылечить, я дам тебе хорошее приданое, о Джейран. И ты сможешь вернуться сюда, и купить себе дом, и украсить его, а потом ты найдешь толковую старуху, и она обойдет несколько кварталов, и расскажет тебе, где живут хорошие женихи, и сосватает тебя с тем, кого ты выберешь. – Джейран ничего не ответила. – Когда хаммам закроется, приходи ко мне, о девушка, и мы поговорим об этом, – продолжала Фатима.

– Я не могу прийти к тебе сегодня, о госпожа, – сказала Джейран. – Та чванливая гордячка с лицом гурии и нравом шайтана забыла в раздевальне свои браслеты, и я непременно должна ей их отнести. Когда я нашла их, то сразу накинула рубаху и изар, и побежала за ней следом, но у ворот хаммама уже собрались люди, чтобы послушать рассказчика, и я потеряла ее в толпе, и задержалась немного, потому что его история увлекла меня. Скажи, о госпожа, неужели на самом деле случилось все то, о чем кричат рассказчики? И похищения младенцев, и любовь царевичей, и явления джиннов и ифритов из старых кувшинов?

– Может, в давние времена и случалось, а теперь давно уже не случается, и в этом я могу тебе поклясться и Аллахом, и его пророком, и всеми святыми, – отвечала Фатима, самой клятвы, однако же, не давая. – А то, что ты должна отнести браслеты, лишь упрощает дело, о Джейран. Мы дадим их моей невольнице, и ты расскажешь ей, где живет та красавица с ребенком, а сама пойдешь ко мне, и мы вместе поужинаем и побеседуем о твоём будущем. Ибо я этого желаю, о Джейран, и желаю тебе добра, так что слушайся меня, и ты не пожалеешь об этом.

– На голове и на глазах! – сказала Джейран.

* * *

– Я сбился с ног, отыскивая тебя, о презренный, сын презренного, о бесстыдный распутник! Где это ты пропадал столько времени? Правоверные собрались, чтобы послушать твои нелепые истории, а ты сбежал и оставил меня без поддержки и без своей проклятой книги, да покарает тебя Аллах всеми карами, какие только существуют в аду!

– Тише, тише, о Мамед, не вопи и не размахивай руками, а то сейчас сюда сбежится весь город! Молчи, о заблудший, сын заблудшего! Ты так трещишь, словно бросаешь мне в уши пригоршни камушков! А скажи на милость, что я должен был делать, видя, как тебя уводит хитрая старуха, о лицемерии которой свидетельствуют четки, которые она носит на шее вместо ожерелья? Ведь это были четки не из бусин, о Мамед, а из целых арбузов! Как только не сломалась ее шея под тяжестью этих четок?

– И я не смог взойти на возвышение, и продолжить историю, и не заработал ни дирхема, и кошелек мой был пуст, потому что все деньги ты унес с собой, о несчастный!

– А как иначе я должен был поступить, видя тебя в когтях этой хищной старухи, подобной кошке, подкараулившей мышь? И я сказал себе – твой ученик и напарник сегодня уж не вернется, о Саид, потому что его пригласила на ложе красавица, так стоит ли ждать его возле хаммама? В таком случае мне пришлось бы просидеть там до утра, о Мамед!

– И я не имел на что купить себе лепешку на ужин, не говоря уже о мясе, о рисе, о финиках! А твоя невольница Ясмин тоже куда-то подевалась, так что дом ваш был заперт, и я не знал, где искать пристанища, и бродил по улицам голодный!

– Но когда это бедствие из бедствий в образе злоумышленной старухи увело тебя, я сказал себе – радуйся, о Саид, ибо кошелек с деньгами остался у тебя, и женщины не смогут выманить деньги у Мамеда, и он получит удовольствие, но не уплатит за него ни гроша!

– И все мое удовольствие свелось к кувшину пальмового вина, о Саид, потому что эта развратница дала мне лишь платок с тремя дирхемами, и я пошел в кабак у городской стены, и выпил на все деньги вина, справедливо полагая, что ты покормишь меня ужином, но ты пропал, ты сгинул, точно джинн, убоявшийся гнева Аллаха, и я искал тебя по всему городу, заглядывая во все сточные канавы!

– Во имя Аллаха, какой платок и что за дирхемы? О чем ты толкуешь, о несчастный?

– О трех дирхемах, которые я уплатил за скверное пальмовое вино, из тех вин, что пьют бедуины, о Саид!

– С какой стати тебе ты должен уподобляться бедуину, о Мамед? Разве ты – Ан-Надр ибн Шумайль, который сорок лет прожил среди бедуинов, чтобы изучить наичистейший арабский язык?

– Пропади он пропадом, этот ибн Шумайль, и ты с ним вместе, о Саид! Ради Аллаха, при чем тут бедуины?

– Вот и я никак не могу понять, при чем тут бедуины, о которых ты мне толкуешь, о Мамед.

– Я толкую тебе о бедуинах, о Саид?.. Не сбивай меня с толку, да поразят тебя лихорадка и кашель! Я прошу тебя лишь выслушать меня, но с большим успехом просил бы я глухие гранитные скалы, чтобы с их высот слетела ко мне белая ворона!

– Я слушаю тебя со всем вниманием, о Мамед, но не могу понять, о каких дирхемах и бедуинах ведешь ты речь...

– Замолчи, о несчастный! По твоей милости я ночевал на сырых камнях в заброшенной крепости!

– Разве ты не остался у той женщины, к которой столь стремительно увлекла тебя гнусная старуха, о Мамед?

– Говорю тебе, она выставила меня за ворота с тремя дирхемами в платке, о Саид!

– Неужели то, что ты совершил ради нее, она оценила в три дирхема? Скверные настали времена, если близость такого мужа, как ты, о Мамед, ценится у женщин так дешево!

– Не было у нас ничего из того, что бывает между мужчиной и женщиной, о Саид, не было, не было, клянусь Аллахом!

– Так за что же ты получил три дирхема?

– За напрасное беспокойство, о несчастный! Старуха привела меня к этой развратнице, и она посмотрела на меня из-за оконной занавески, и потребовала, чтобы я продолжил историю о царевиче Салах-эд-Дине, а потом послала со мной черного раба, чтобы принести твою книгу с историями, о Саид! И эта распутница слышать ничего не желала, и не было ей нужды ни в чем, кроме твоей скверной книги!

– Воистину распутница, порази Аллах всех распутниц в сердце и в печень! Знаешь что, о Мамед? Мы должны непременно проучить ее!

– Как же ты собираешься проучить ее, о Саид?

– Плесни-ка мне еще, о Мамед... так, хватит. Мы отправимся сейчас к ее дому, и возьмем с собой паклю, и зажжем ее, и перебросим через забор, и закричим: «Пожар, пожар! Спасайте свое имущество и своих детей, о правоверные!» И начнется переполох, и она выбежит со своими невольницами во двор в одной рубашке, и мы увидим ее лицо, и высмеем ее, и крикнем ей: «Что это ты носишься с открытым лицом, о бесстыдница?»

– Одного из нас Аллах лишил разума, и это либо ты, либо я, о Саид! Как это мы среди ночи пойдем с паклей по городу, и будем прыгать под забором, чтобы перебросить ее во двор, и кричать, и шуметь? А если нас поймает городская стража? И повелителю правоверных доложат утром, что его придворный поэт отыскался? Я же проведу в темнице ослепленным остаток дней моих, о Саид!

– Куда ты запропастилась, о Ясмин? Не заснула ли ты там за своей занавеской? Вставай немедленно, отыщи нам как можно больше пакли!

– Мало того, что я приготовила тебе ужин всего за пять дирхемов, хотя одни жареные цыплята стоят целых два дирхема, и мало того, что я весь вечер пила вместе с вами и пела вам обоим непотребные песни, так ты еще хочешь, чтобы я посреди ночи встала и пошла будить соседей в поисках пакли, о Саид?

– О Аллах, что может сделать с человеком лишняя чарка вина из черного изюма! Успокойся, о Саид, положи на скатерть нож, и ты, о Ясмин, спокойно спи дальше! Клянусь Алла-

хом, у меня весь хмель из головы вылетел от такой затеи! Давай лучше выпьем еще немного, о Саид, сейчас я нацежу в кувшин еще настойки...

– Нет, о Мамед, этого так оставлять нельзя! Поставь кувшин на скатерть, поднимайся, а ты, о Ясмин, ступай будить соседей в поисках пакли, и греми погромче дверными кольцами, во имя Аллаха, пусть все знают, что нам нужна пакля!

– О Аллах, я пела во дворцах вельмож, а теперь вынуждена прислуживать этому бесноватому! Соседи пошлют за городской стражей...

– Выпей этого, о Саид, и закуси фиником!..

– Нет, мы непременно должны проучить эту распутницу! Пусть знает, как оскорблять тремя дирхемами такого мужа, как ты, о Мамед! Идем, идем немедленно! Пакли мне, пакли! И огня!..

* * *

Видно, Аллаху было угодно отвести в ту ночь отряд городской стражи подальше от улицы, где проживала любительница старинных преданий, готовая уплатить любые деньги за книгу с диковинными историями. Поэтому Мамед и Саид с целым узлом пакли добрались до ее ворот без помех. Вот только они спотыкались на каждой ступеньке, ибо узкая улица вела вверх, и они хватались за выбеленные известкой стены домов и заборов, а потом друг за друга, и к той минуте, когда среди многих ворот нашли искомые, были перемазаны в известке с головы до ног.

И Мамед показывал Саиду дорогу без лишних напоминаний со стороны рассказчика, даже с некоторым ехидством, как будто он стал находить некое удовольствие во всей этой затее.

Следом за ними шла Ясмин и призывала на голову своего непутевого хозяина и его совсем ошалевшего ученика многие бедствия.

И таким образом явились эти трое к дому, где хотели устроить ночной переполох, и развязали узел, и достали паклю, и заспорили – кто кому встанет на плечи, чтобы перебросить горящую паклю через забор. В пылу склоки Саид и Мамед воззвали даже к науке аль-джебр, но как ни цитировали они ученые труды, выходило одно: встанет ли маленький Мамед на плечи к высокому Саиду, и встанет ли Саид на плечи к Мамеду, рука стоящего сверху достанет до одного и того же места.

Внесла свою лепту в общую суету и Ясмин – если Саид перемажет грязными туфлями фарджию Мамеда, то ее это не касается, но если Мамед испачкает фарджию ее хозяина Саида, то чистой придется заниматься ей, Ясмин, а на ней и так лежит вся забота о хозяйстве рассказчика!

Если бы столь длительный галдеж устроили три каких-либо других человека, то они бы и протрезвели малость от собственного шума, и передумали затевать переполох. Но не таков был Саид, чтобы забыть о новом пьяном сумасбродстве, и не таков был Мамед, чтобы быстро протрезветь.

И они наконец решили, что на плечи к Саиду встанет Ясмин, которая выше ростом, чем Мамед, к тому же поверх расшитых кожаных туфель на ней надета вторая пара туфель, из сафьяна, предназначенных для улицы, так что она не испачкает фарджию своего хозяина. А Мамед будет снизу подавать зажженную паклю.

Так и поступили.

И первый, и второй клочок пакли полетел через стену во двор, и запылал там огонь, и Ясмин добавила еще, но тихо было в доме, никто не высказывал с визгом, никто не призывал на помощь соседей.

– Крепко спят, чтоб им шайтан приснился! – проворчал Саид, переступая с ноги на ногу. – Уж не крикнуть ли нам самим: «Пожар, огонь, спасайтесь, о правоверные!»? Как ты полагаешь, о Ясмин?

– Если ты еще раз двинешься, то я упаду, и сломаю ногу, и так закричу, что мой голос услышат за городской стеной, о Саид!

– Мне нет дела до твоих ног, о женщина, довольно того, что я столько времени держу их своими руками! Тебе больше не выпадет такого случая, клянусь Аллахом!

– Чем это тебе не угодили мои ноги, о Саид? – в голосе невольницы было такое возмущение, что Мамед, возившийся с паклей, съежился, зная по опыту – когда женщина берет такой тон, то обретают крылья блюда и скovorодки, и отправляются в полет башмаки, и нежные, казалось бы, кулачки наливаются оловом и свинцом.

– Чем тебе не угодили твои ноги, о женщина, что ты заставляешь их таскать такой нешуточный вес? Клянусь Аллахом, на месте твоих ног я бы давно отказался тебе служить, и покинул тебя, и...

– Ну так отпусти меня, о Саид, и купи себе на рынке другую невольницу, не обремененную весом, а потом тоскуй весь остаток дней своих о крутых боках, подобных кучам песку, и о бедрах, подобных мраморным столбам, и о ягодицах, подобных... О Аллах!..

Случилось то, чего не могло не случиться, – разъяренная Ясмин не удержала равновесия, в страхе присела на корточки и полетела с плеч Саида прямо на Мамеда и развязанный узел с паклей. А поскольку Саид стоял на самом краю ступеньки высотой в половину рабочего локтя, то и он с этой ступеньки сверзился. И все трое оказались у ворот дома, в нескольких шагах от которых затеяли бросать зажженную паклю.

Эти деревянные, покрытые красивой резьбой и открывавшиеся вовнутрь ворота, единственное украшение дома со стороны улицы, в такое время суток должны были быть крепко заперты на засов, и все же Мамед не сказать чтоб влетел, ибо Аллах не дал ему крыльев, а скорее вкатился в них. И тут обнаружилось, что хозяева забыли на сей раз про засов.

– Во имя Аллаха, тихо! – приказал, поднимаясь, Саид, и голос его был голосом трезвого человека. – В этом доме стряслась беда. Оставайтесь тут оба, а я пойду погляжу, что там у них случилось. Отпусти мой рукав, о женщина, отпусти, я говорю! Мне ничего не угрожает!

И он сунул руку за пазуху, и вынул, и в руке его заблестело лезвие прекрасной, длинной, слегка изогнутой, серой стали джамбии не только из индийской стали, но и отличной индийской работы.

Мамед отшатнулся.

– Оставь этот дом и его обитателей в покое, о Саид! – воскликнул он. – Если с ними случилась беда, и сюда придет городская стража, и найдет тебя в этом доме с джамбией в руке, то бедствия ожидают нас, всех троих, клянусь Аллахом!

– Молчи, о несчастный, и уноси отсюда ноги, – негромко приказал Саид. – А ты, о Ясмин, отойди к перекрестку и посмотри, не тащит ли сюда шайтан кого-нибудь, кто, наподобие нас, перепутал спьяну день и ночь!

– Если бы мы были сейчас в медине, о Саид, где улицы прямые и дома построены разумно, то имело бы смысл кому-то из нас встать на перекрестке, – возразила Ясмин. – Но это рабад, и здесь каждый ставил свой дом так, как хотел и как ему было удобно при его ремесле, и когда я встану на ближайшем перекрестке, то ни вы меня, ни я вас уже не увижу, и если кто-то приблизится к перекрестку, я обнаружу это, когда его нос уткнется в мой изар, а борода упрется в мою грудь!

– Она права, о Саид, – поддержал невольницу Мамед, – и не бежать же ей через весь рабад в медину, чтобы встать на безупречном перекрестке, ибо раньше города возводили по планам, одобренным повелителем правоверных, а теперь улицы возникают как бы сами по себе, без всякого порядка, и это – верное свидетельство, что мир движется к упадку... О Саид!..

Но тот уже скользнул в ворота.

– Я предлагала ему поселиться в медине, – сказала Ясмин, – но ему непременно нужно было найти не дом, а конуру поблизости от хаммама. И я сказала ему: «О господин мой, о Саид, мало ли почтенных хаммамов в этом городе?» Но он из упрямства выбрал построенный совсем недавно, и пяти лет тому не будет, и поселился возле него! Знал бы ты, о почтенный Мамед, как я не люблю жить в рабаде, среди простолюдинов, я, певшая в домах самых знатных вельмож и получавшая от них богатые дары! А теперь я рада тому, что меня купил уличный рассказчик историй, и мне приходится одной вести все его хозяйство...

Тут Ясмин насторожилась и, мгновенно прекратив свои жалобы, сунула руку под изар. А когда достала – то и у нее в руке был недлинный, очень широкий у основания клинок, который она держала каким-то необычным образом. И рукоять так влегла в руку невольницы, что Мамеду стало ясно – не впервые в жизни эта рука уверенно берется за оружие.

Очевидно, Ясмин услышала шум в доме, который ей очень не понравился, потому что, откинув изар с лица, она высвободила из-под него обе руки и, толкнув ворота так, что они совершенно распахнулись, вбежала во двор.

Мамеду не оставалось ничего иного, как последовать за Саидом и Ясмин, и у него хватило соображения не только закрыть за собой ворота, но и вставить в петли засов.

Поскольку Мамед, мирясь с Саидом за накрытой скатертью, влил в себя куда больше густого вина из черного изюма, чем диковинный рассказчик, то и не мог сейчас двигаться с той же ловкостью, что Саид и его вооруженная невольница, тем более, что в проходе с двумя поворотами, ведущем с улицы во двор, было темно, как у шайтана в брюхе, и стояла каменная скамья для тех посетителей, которые во дворе почему-то были нежелательны. Разумеется, и на скамью Мамед налетел, и к углу приложился локтем, а когда он выбрался во двор, то чуть не свалился в водоем.

Едва устояв на самом краю, по счастью, выложенном плиткой не из самого скользкого камня, Мамед замер, пытаясь вспомнить расположение дверей и окон в этом дворе. А двор был весьма просторный, с колоннадой, с беседками и скамьями, и при доме имелись всяческие пристройки, чуланы и кладовые, над которыми были опущены занавеси. Все это Мамед видел всего лишь раз в жизни, да и то можно сказать, что не видел, потому что был занят разговором со старухой, выпытывавшей про книгу с историями, да ее молодой хозяйкой, которая приказывала из-за оконной занавески.

– Что ты стоишь, точно столб в мечети, о несчастный? – раздался вдруг строгий голос Саида. – Ступай сюда скорее, в доме действительно случилась беда. Кто-то усыпил его обитателей банджем, и они живы, но нуждаются в помощи! И этот человек сделал свое дело и вышел, но закрыть за собой ворота не сумел или не пожелал.

Мамед пошел на голос, и пересек двор, благоухавший цветами, и дорожка привела его к двери. Он шагнул – и попал в то непременно для жилища правоверного большое помещение, где хозяин дома принимает посетителей-мужчин, хотя как раз в этом доме и не было хозяина. Ему навстречу с возвышения спустился Саид, уже отыскавший впотьмах светильник и запаливший его.

– Там, на скамье, лежит старуха, – сообщил он. – И рядом – одна из невольниц. Другие женщины, очевидно, в помещениях второго этажа, как им и полагается. Ясмин пошла туда поискать их. Странно, что в доме нет ни одного мужчины, хотя ты говорил мне, о Мамед, что здесь держат огромного чернокожего раба по имени Рейхан. А теперь пойдем и поищем кухню.

– Уж не собираешься ли ты состряпать нам завтрак, о Саид? – осведомился Мамед. – И мы будем вкушать его, слушая пение твоей невольницы, пока сюда не придет городская стража?

– Нет, я хочу согреть воду, – сказал Саид, – а пока горшок будет закипать, поищу на кухне крепкий уксус, ведь должен же он у них быть, если только в этом доме едят мясо. И еще мне нужен ладан.

– Что за странное кушанье собрался ты готовить, о Саид? – изумился Мамед. – Горячая вода с уксусом и ладаном?

– Увидишь, если на то будет соизволение Аллаха, – отвечал Саид. – О Ясмин, кого ты нашла в женских покоях?

– Там нет ни души, о Саид! – крикнула, спускаясь с лестницы, невольница. – Постели не разостланы, а вещи и одежды разбросаны.

– Плохо, клянусь Аллахом, – проворчал Саид. – Я так и знал, что с этим домом неладно.

– Заклинаю тебя Аллахом, пойдем отсюда прочь! – взмолился Мамед. – Мало разве мне моих собственных бедствий, чтобы я прибавлял к ним чужие бедствия?

– Нужно осмотреть все помещения, – сказал Саид, не обращая внимания на этот вопль и стон. – Человек, которому дали банджа, может многое натворить, прежде чем утомонится и уснет. Не удивлюсь, если кого-то из них мы выудим из водоема во дворе уже упокоившимся навеки.

– И нужно заглянуть во все уголки и закоулки, – добавила Ясмин, – потому что в доме был маленький ребенок. Вряд ли нашелся враг Аллаха, способный дать бандж ребенку, но он мог ползать по коврам, и заснуть в самом неподходящем месте, и никто не укрыл его, а ночи теперь прохладные, хотя днем все еще жарко...

– Погреб, клянусь Аллахом! – воскликнул Мамед. – Нам надо осмотреть погреб. Во многих домах только под землей и спасаются днем от жары. Если это несчастье случилось еще днем, то люди могут оказаться именно в погребе, у проточной воды. Слава Аллаху, в нашем городе целы еще подземные водопроводы!

– Да ты никак протрезвел окончательно, о Мамед? – с великим недоверием осведомился Саид. – Ты напрасно сделал это. Потому что лучше для тебя было бы проспаться от хмеля твоего и забыть все то, что видел ты этой ночью...

И все трое нашли вход в погреб, и Ясмин осталась на кухне греть воду и готовить снадобье из горячей воды, крепкого уксуса и ладана, а Саид с Мамедом спустились вниз.

Там они обнаружили лишь черного великана. И он лежал у проточной воды, так что струи почти касались его лица. А вода вытекала из одной трубы, и втекала в другую, и если бы напор ее сделался чуть побольше, то она залила бы нос и рот Рейхана. Но, очевидно, смотрители водопровода уменьшали на ночь напор.

Саид оттащил Рейхана от воды, и склонился над ним со светильником, и попытался его растолкать, но безуспешно.

– Очевидно, это крепкий магрибский бандж, который способен уложить слона, если у слона хватит глупости его употребить, – задумчиво сообщил он, – и ведь когда-то его использовали всего лишь для лечения кашля и поноса... Ничего, сейчас будет готово противоядие! Подтащи-ка тот коврик, о Мамед.

Мамед взял за угол немалый ковер, дорогой, армянской работы, из тех, на которых дремали здесь обитатели дома, пережидая дневной зной, и с трудом подтянул его.

Саид, перевернув Рейхана на спину, уложил его на ковер и внимательно рассмотрел его лицо, а потом взял в руки его ханджар.

– Я тоже обратил внимание, о Саид, – сказал Мамед. – И днем я видел своими глазами, что в рукоять вделана прекрасная хорасанская бирюза, цветом как синее небо утром после дождя, которая ценится дороже золота, а не дешевая голубая бирюза из Серабит-эль-Хадема.

– А что еще смутило тебя, о Мамед, в облике этого чернокожего?

– Обычно у черных рабов ноздри, подобные кувшину, и одна губа как одеяло, а вторая, как башмак, этот же – обладатель тонких черт лица, и будь его кожа светлее, я назвал бы его арабом из благородных, о Саид.

Саид омочил палец в струе и крепко потер щеку Рейхана, потом внимательно осмотрел и понюхал палец.

– Нет, чернота, пожалуй, его природное свойство... – пробормотал он. – В таком случае кое-что становится понятно, о Мамед. Есть некая страна, где чернокожие приближены к трону белолицего повелителя, и окружены почетом, и отдают своих дочерей в харимы к его вельможам, а родившиеся от таких союзов дети могут наследовать имущество своих отцов и их должности при дворе... Да куда же пропала Ясмин, накажи ее Аллах? Прежде всего мы должны привести в чувство этого чернокожего... А в той стране, было бы тебе ведомо, о Мамед, дети царей и вельмож от черных женщин носят прозвание аль-Асвад, если унаследуют цвет матери, и нет в этом для них укора или позора, прозвание не хуже прочих прозваний... Не наелась ли и ты там банджа, о Ясмин? Может быть, ты спишь и видишь, как поешь во дворце повелителя правоверных и как он за твое искусство берет тебя в свой харим?

– Пропади ты пропадом, о Саид! – немедленно отозвалась на крик невольница. – Пропади навеки, но сперва помоги мне, ибо я несу горшок с горячей водой, и держу его обеими руками, а лестница тут крутая!

– Взяла ли ты ложку, о несчастная? Если нет, то давай сюда горшок и ступай на кухню за ложкой, – велел Саид. – Нам понадобится самая маленькая. Прими горшок, о Мамед, и ставь его сюда.

Мамед протянул вверх руки, и взял горшок вместе с тряпкой, в которую он был обернут, и поставил его, куда велено.

– Разве ты врач, о Саид, что тебе непременно нужно исцелить этого чернокожего? – спросил он. – Разумеется, Аллах оплатит нам за доброе дело, но боюсь я, что прежде его вознаграждения нас ждет немало неприятностей из-за событий этой ночи. Давай приведем в чувство этого чернокожего, оставим ему горшок, а сами уйдем своей дорогой.

– Куда ты так торопишься? Мне слишком много вопросов нужно задать ему, о Мамед, – сказал Саид, и тут к ногам его упала маленькая серебряная ложка.

– Я пойду поищу ребенка! – крикнула сверху Ясмин.

– Спускайся сюда, о женщина. Похоже, что ребенка искать в этом доме бесполезно, и его мать – равным образом, – отвечал Саид. – Мы опоздали, но, если будет на то милость Аллаха, мы еще сумеем им помочь.

Он набрал ложкой горячей воды и залил ее не в рот, как полагалось бы, а в ноздрю чернокожему. Тот зашевелился. Саид добавил.

– А теперь придерживай ему лоб, о Мамед, – приказал он. – Я надеюсь, ему удастся извергнуть из себя весь бандж. Я буду лить воду, а ты, как только он содрогнется, немедленно поворачивай его, чтобы он не захлебнулся.

– Зачем только я увязался за тобой в этот дом, о Саид! – возопил Мамед, охватывая обеими руками лоб Рейхана и возводя глаза не к небу, ибо неба-то как раз тут и не было, а к низкому потолку подвала, чтобы не видеть, как будет извергнут бандж. – Воистину, не для того прожил я столько лет и сочинил столько превосходных касид, восхваляющих повелителя правоверных, чтобы врачевать чернокожих!

Отрава не сразу вылетела изо рта чернокожего великана. Он выпучил глаза, и долго таращился перед собой невидящим взором, и вдруг вспотел, и начал сотрясаться, подсакивая, так что держать его пришлось довольно крепко. Но наконец бандж был извергнут, и Ясмин, прикрыв наконец не по годам молодое и красивое лицо, вытерла Рейхану сперва вспотевший лоб, а потом и подбородок.

– О Аллах... – пробормотал Рейхан. – О Аллах, слава тебе, великому, могучему... Что это со мной было? И кто вы такие, о люди? И как вы здесь оказались?

Рейхан обвел взглядом подвал и спросил напоследок:

– А главное – как я сам здесь оказался?

– Я Саид, рассказчик историй, а это мой ученик Мамед, а это моя невольница, певица Ясмин, – сказал Саид. – Как видишь, все мы люди простые и милосердные, о Рейхан.

– Саид, рассказчик историй?.. – Рейхан задумался и вдруг резко приподнялся на локте. – Клянусь Аллахом, сегодня здесь уже был один рассказчик историй, и это был ты, проклятый! Это ты выследил нас!

Не успел Мамед отшатнуться, как черные пальцы сомкнулись на его горле.

Отшвырнув спрятанную в рукаве джамбию, Саид просунул руку между лбом Мамеда и подбородком Рейхана, и вцепился чернокожему в плечо, и резко поднял вверх свое предплечье и локоть, с такой силой нажав на горло Рейхана, что его голова вдруг запрокинулась и он ослабил хватку. И Саид навалился всем своим весом на чернокожего великана, и опрокинул его прежде, чем тот понял, что произошло.

– Во имя Аллаха, не двигайся, о Рейхан! Иначе не останется у тебя пути к спасению, ведь нас тут трое, а ты один, – сказал Саид. – И если даже мой ученик Мамед – одна помеха в схватке, то невольница обучена метко метать клинки. И у нее их сейчас два, и она держит их наготове, о Рейхан!

Воистину – Ясмин подобрала брошенную Саидом большую джамбию, и держала ее в левой руке, а в правой у нее был привычный ей небольшой и широкий клинок, чьи свойства и особенности она хорошо знала и чью тяжесть, возможно, умела использовать при броске.

Мамед, полупридушенный, откатился от Рейхана и, не рассчитав, угодил в водоем с точной водой. И вода попала ему в глотку, и он закашлялся, и вылез мокрый, и Ясмин с Саидом, увидев это бедствие, громко расхохотались.

– Мамед не виноват в твоих злключениях, о Рейхан, – продолжал Саид. – И в том, что наверху лежат женщины, одурманенные банджем, он тоже не повинен. Когда мы появились тут, все обитатели этого дома уже лежали без сознания, подобные трупам. Впрочем, мы обошли не все помещения. Возможно, только поэтому мы не нашли госпожу и ее ребенка. Но ты лучше нашего знаешь этот дом и все его тайники. Пойдем, поищем, о Рейхан, и если окажется, что вас одурманили ради кражи, и вы потеряли всего лишь кучку монет да горстку украшений, мы возблагодарим Аллаха! Можешь ли ты встать, о Рейхан?

– Если ты отпустишь меня, о рассказчик, – вполне разумно отвечал Рейхан, но оказалось, что этого было мало – голова у него кружилась, и ноги ослабли, и магрибский бандж из наилучшей конопли словно бы лишил его силы, так что Саиду пришлось и помочь ему встать на ноги, и подставить плечо, чтобы чернокожий смог опереться.

Но, слабый телом, он был силен духом, и кричал, и требовал, чтобы его вывели из подвала, и провели по всему дому, и помогли найти госпожу с ее ребенком. И еще он проклинал тех, кто восхищался его обычной осторожностью и предусмотрительностью, таким образом сглазив его.

Первым по лестнице поднялся мокрый Мамед со светильником, за ним – Саид, обремененный Рейханом, а сзади шла Ясмин, и в каждой руке ее было по клинку.

Они обошли весь дом, и опять увидели спящую старуху, и невольницу, что смотрела за ребенком, нашли и другую невольницу, но нигде не было госпожи, так что стало ясно – ни ее, ни ребенка здесь нет, и не было иной причины для применения банджа, кроме их похищения.

– Аллах наказал меня... – сказал Рейхан, отпуская плечо Саида и хватаясь за колонну из колонн, окружающих двор. – Аллах вознаградит вас за то, что вы помогли мне, а теперь ступайте, добрые люди, ступайте прочь, ибо вы больше ничем не можете мне помочь, да и никто не может. Рухнули каменные стены, и обвалились своды, и погибли сокровища... Было два брата – и оба не выдержали испытания, посланного Аллахом...

– Мы не уйдем, пока не поможем старухе и невольницам, – возразил Саид. – Они тоже нуждаются в средстве, исторгающем из внутренностей бандж. И если невольницы молоды, крепки телом и через несколько часов очнутся сами, то старуха может и не проснуться. Как ты полагаешь, о Мамед?

– Скажи мне, когда она должна проснуться, чтобы я успел скрыться, о Саид! – воскликнул Мамед. – Иначе она, восстав со смертного одра, ухватит меня за рукав и примется расспрашивать о книгах, историях, царевичах и царевнах!

– А разве рассказывать истории – не твое нынешнее ремесло, о Мамед? Что же ты от него уклоняешься, о сквернавец, покарай тебя Аллах? – прикрикнул на него Саид. – Этак, чего доброго, и Ясмин откажется спеть нам сейчас про красавиц с могучими бедрами, блистающих избытком распущенных кудрей! Что ты скажешь об этом, о Ясмин?

– Скажу, что мне недостает лютни, и ковров, и занавески, и хорошего вина, и слушателей, знающих толк в музыкальных ладах, о Саид, ибо для тебя и для почтенного Мамеда, когда вы напьетесь вина, скрип колодезного ворота и вопли голодного ишака звучат так же, как наилучшие в мире мелодии, в которых вы понимаете ровно столько же, сколько ворот и ишак! – немедленно ввязалась в склоку Ясмин, и они все трое опять принялись пререкаться, к великому изумлению Рейхана, который вовсе не ожидал в такую прискорбную минуту услышать столько шума и столько глупостей.

– Что вы за люди, во имя Аллаха? – спросил их Рейхан. – Прекратите наконец это словесное сражение и объясните мне, ради Аллаха, как вы сюда попали! Ведь не приснился же мне этот человек, которого привела к госпоже старуха! И мы вместе с ним искали тебя, о Саид, и не нашли, и расстались, и я вернулся сюда, собираясь ближе к вечеру выйти и найти тебя возле хаммама.

– Ты говоришь правду, о Рейхан, я видел, как вы оба меня искали, – подтвердил Саид.

– Что же ты не подошел к нам, о несчастный? – взвился мокрый Мамед.

– Я не знал, с какой целью Рейхан ищет меня, о Мамед, – объяснил Саид. – Прежде всего я должен был убедиться, что в этом нет для меня угрозы.

– Госпожа велела купить у тебя книгу с историями, о Саид, и ничего более, – сказал Рейхан. – Ей хотелось знать, чем закончилась история о царевиче Салах-эд-Дине.

– Нет, о Рейхан, и ты сам знаешь, что сказал сейчас неправду! – возразил Саид. – В истории есть некая подробность, которую она узнала, и она искала меня, чтобы задать мне вопросы касательно некого дела. А в истории было расставлено несколько ловушек, и в одну из них мог угодить враг, а другая могла мне помочь найти друга. Я хотел понять, кто мне твоя госпожа – враг или друг. Поэтому я выследил ее дом, и захотел увидеть ее лицо, и для этого пришел сюда ночью, чтобы устроить переполох и выманить ее на улицу с непокрытым лицом. Но мне это не удалось, о Рейхан... не знаю, впрочем, хорошо ли и дальше называть тебя этим именем...

– Почему, о Саид? – спросил чернокожий.

– Потому что Рейхан – имя для раба, а ты – не раб.

– Да, я не раб, клянусь Аллахом! – воскликнул великан. – И лишь одно могло побудить меня принять образ раба!

– И я знаю, для чего ты так поступил, – уверенно отвечал ему Саид. – Ты совершил это, чтобы не сказали: «Умерла верность среди людей!»

– Клянусь Аллахом, да!

Саид негромко рассмеялся.

– Нас собралось тут, в этом доме, трое рабов верности, ибо и я храню ее, и эта моя невольница Ясмин, а что касается Мамеда – он верен лишь кувшину с густым вином, и белой бумаге, и каламу, которым пишет свои касыды. И не будем требовать от него большего, ибо он – не из тех, кто дает клятву, так что нет ему нужды в выполнении клятв. Как нам называть тебя, о раб верности?

– Если бы я сдержал слово и уберег госпожу, я назвал бы тебе свое имя, о рассказчик, – подумав, сказал чернокожий. – Но судьба была против меня. Так что зови меня Рейханом. А потом, если будет на то соизволение Аллаха, ты узнаешь мое настоящее имя.

– И оно, я уверен, не последнее среди знатных имен Хиры, – заметил Саид.

– Ты бывал в Хире, о рассказчик? – насторожился тот, кто предпочел носить имя раба.

– Бывал, о Рейхан. Но об этом мы поговорим в другое время и в другом месте, если будет угодно Аллаху. А теперь расскажи, что же тут произошло и что ты намерен делать.

– Лучше бы тебе не знать этого, о рассказчик, и твоим друзьям – тоже, – со всей доступной ему деликатностью и тонкостью отвечал Рейхан. – Некоторые тайны убивают тех, кто по неосторожности прикоснется к ним.

– Я не прошу, чтобы ты сейчас раскрыл нам тайну – прямо здесь, во дворе, да еще в то время, как наверху лежат одурманенные банджем женщины, которые нуждаются в помощи, – сказал Саид. – Ты только объясни, как получилось, что вам дали бандж. А я постараюсь понять, кто и зачем это мог сделать.

– Мы жили уединенно, и не принимали гостей, и госпожа выходила из дому лишь в хаммам, и вот она пошла туда, и забыла там браслеты, и банщица взяла их, и принесла к нам... – сказав это, Рейхан задумался. – И некому было подмешать нам в питье бандж, кроме этой банщицы! Ибо она втерлась в дом, как змея, проползающая в тончайшую щель!

– Как это произошло? – быстро спросил Саид.

– Мы не хотели впускать ее, потому что с нас довольно было и этого горе-рассказчика, – Рейхан показал на Мамеда, и тот открыл было рот, чтобы возразить, но чернокожий продолжал. – И я сказал госпоже, что напрасно она впустила в дом постороннего, поэтому, когда раздался стук дверного кольца, и невольница выглянула, и увидела банщицу, закутанную в изар, она хотела приоткрыть ворота лишь настолько, чтобы принять браслеты. Но банщица заупрямилась, и сказала, что она хочет убедиться в том, что госпожа этого дома – хозяйка браслетов, и ее впустили в проход, и она села на скамью, и госпожа вышла к ней, и стала называть приметы браслетов, а банщица держала их под изаром, и поглядывала на них, и отвечала. А потом между ними завязался разговор, и вдруг я вижу – это проклятая банщица уже во дворе, и она откидывает с лица изар! И я удалился, чтобы не увидеть ее и не смотреть на нее...

– А свою госпожу ты видел с открытым лицом? – перебил его Саид. – Ты ведь не похож на евнуха, о Рейхан, и госпоже не полагается открывать лицо перед такими, как ты.

– Видел, о Саид, и обстоятельства этого дела таковы, что знать их постороннему человеку незачем... Клянусь Аллахом, сперва я думал, что напрасно она показывает мне свое лицо, а теперь вижу, что это пойдет нам всем на пользу! Ибо я немедленно отправлюсь на розыски, и я смогу ее узнать, и если ее всего-навсего похитили торговцы рабами, у меня найдется, на что ее выкупить, даже если запросят тысячу динаров!

– Неужели она такой неслыханной красоты? – спросил Мамед. – Ведь даже среди невольниц повелителя правоверных немного найдется девушек, за которых уплачены такие деньги!

– Красота ее такова, что из-за нее гибнут царства и рушатся города, о Мамед, – совершенно серьезно сказал Рейхан. – И если бы собрать всех красавиц минувших времен, и посадить их тут, и ввести госпожу, то они поднялись бы, и поклонились, и воскликнули: «Вошедшая лучше!»

Ясмин невольно вздохнула.

– Начертал калам, как судил Аллах! – Саид покачал головой. – Что ты намерен делать, о Рейхан? Не думаю я, что это дело рук торговцев рабами.

– И я так не думаю, о Саид, но следует сперва обратиться к ним. Может быть, кто-то искал невольницу поразительной красоты, и у них не нашлось этого товара?

– Мы будем искать вместе с тобой, о Рейхан, – сказал Саид. – И если найдем ее у торговцев рабами, ты позволишь мне задать ей несколько вопросов, и в ответах будет мое вознаграждение. А если нет – мы, все трое, последуем за тобой по твоим путям. И где бы ты ни искал госпожу, мы будем рядом. Что ты скажешь об этом, о Мамед? Не лучше ли тебе на время

скрыться из города, где тебя по приказу повелителя правоверных ищет городская стража из-за четырех строчек скверных стихов? И что ты скажешь об этом, о Ясмин?

– Скажу, что долг невольницы – повиноваться, даже если Аллах и послал ей бесноватого хозяина, – первой ответила Ясмин, но в ее голосе не было злости.

– Вечно ты тащишь меня за собой, о Саид, словно ишака за повод... – начал было причитать Мамед, но Саид резко оборвал его:

– А ты сопротивляешься и упираешься, как упирается ишак всеми четырьмя копытами, хотя его, вполне может быть, ведут к кормушке! Не отказывайся от нашей помощи, о Рейхан. Вот увидишь – в дороге мы пригодимся тебе, все трое. И первое, что я сделаю – пойду в хаммам, и найду его хозяина, который наверняка до утра развлекается с сотрапезниками, и спрошу его о банщице, которая принесла браслеты. И если это она подмешала в питье бандж и отворила ворота людям, которые пришли за твоей госпожой, то в наших руках уже есть одна ниточка от запутанного узора на ковре наших бедствий!

* * *

И они привели в чувство старуху и невольниц, и расстались, поскольку близился рассвет, и Рейхан отправился нанимать верблюдов, а Ясмин – собирать в дорогу припасы, а Мамед – к торговцам рабами, которые, по его словам, прекрасно знали его, так как не было лучше услуги повелителю правоверных, чем подарить ему красивую невольницу или по меньшей мере известить, что в город привезли новую красавицу, и придворные поэты были частыми гостями в лавках посредников. Ведь только женщин, годных убирать и стряпать, выставляли на рынках, а подлинных красавиц, образованных и остроумных, умеющих петь и играть на лютне, рассказывать истории и писать многими почерками, открывали в узком кругу ценителей, чтобы те могли испытать их вопросами и заданиями. Саид же направился к хаммаму узнать о банщице, а когда он пришел на место встречи, то застал там Рейхана, Мамеда и Ясмин с дорожными хурджинами.

– Каждый из нас сделал свое дело, о Саид, – сказал Рейхан. – Пусть говорит Мамед, ибо то, что он узнал, очень важно для нас.

Рассказчик сел на ковер, где Ясмин расстелила походную кожаную скатерть, разложив на ней хороший хлеб, зелень и непременно для приличного застолья подрумяненных кур.

– Действительно, о Саид, несколько дней назад шли поиски красивых невольниц, – продолжал Мамед, – но к посредникам приходила и смотрела девушек женщина, которой невозможно было угодить! И она действительно разбирается в достоинствах певиц и музыкантш, а также во многом другом. И она не купила ни одной девушки. Я подумал, что следует пойти к этой женщине – может быть, люди, знающие, чего она ищет, предлагали ей украсть для нее красавицу. И я узнал, в каком доме она остановилась, и пошел туда, и вдруг вижу – двери этого дома открыты, и ковры вынесены, и нет в нем ни души. И я спросил соседей о причине этого, и они указали мне хозяина дома, и он подтвердил, что его сняла на месяц почтенная женщина, которая приехала в город с десятью невольниками и тремя невольницами на своих лошадях и верблюдах, но она уехала этой ночью, не дожидаясь истечения срока. И она заплатила, не торгуясь, и уехала, не потребовав с хозяина денег за те дни, которые оставались до полного месяца. Вот то, что я узнал.

– Как называли невольницы эту женщину? – хором спросили Саид и Рейхан.

– Называли они ее Фатимой, и никто не знает, чья она жена и каковы ее обстоятельства. Вот я сказал вам все, что услышал, и больше ничего не знаю, клянусь Аллахом! – Мамед возвел глаза к небу.

Саид и Рейхан переглянулись.

– Знакома ли тебе женщина с таким именем, о рассказчик?

– Нет, о Рейхан, женщины с таким именем, способной украсть другую женщину, я не знаю...

– А что нового узнал ты, о Саид?

– Я был у хозяина хаммама, и осведомил его о нашем положении, и он призвал банщиц, чтобы расспросить их о браслетах. И вдруг оказалось, что браслеты взяла одна из них, по имени Джейран, и понесла их владелице, и больше не вернулась.

– Джейран! – воскликнул Рейхан. – Говори, о Саид!

– И никто из банщиц, вместе с которыми она живет, не знает, куда она девалась, зато все они в один голос утверждают, что Джейран давно уже замышляла недоброе, о Рейхан. Она нехороша собой, и у нее скверный характер, и Аллах дал ей самое плохое, что только может получить при рождении девушка, – короткий вздернутый нос, впалые щеки и глаза, не то серые, не то голубые, и это – признак неверной и предательницы.

– Есть страны, где у всех женщин короткие носы и голубые глаза, так что же, все они – неверные жены и злокозненные хитрицы, о Саид? – спросила Ясмин, которой непременно нужно было проявить свою сварливость при посторонних мужчинах.

– Хозяин хаммама сказал мне то же самое, ведь он знает Джейран с детства, и сам воспитал ее, и обучил ремеслу банщицы, и она была в его хаммаме одной из лучших, – тут Саид вздохнул.

– Значит, другие ей просто завидовали! – воскликнула Ясмин. – А если я начну рассказывать, сколько бед принесла зависть женщин друг к другу, то моих историй хватит на дорогу отсюда до Каира!

– Единственная, с кем она дружила, была подавальщица напитков Наджия, – продолжал Саид. – И Наджия рассказала, что накануне в хаммам пришла богатая вдова с двумя красивыми невольницами, с которыми она обращалась ласково, словно с родными дочерьми, и она велела позвать лучшую банщицу, и Джейран пришла к ней, и вымыла ее, и растерла, и размяла, и вытянула ей все кости и суставы, и охотно с ней беседовала.

– Как ее звали? – перебил рассказчика Рейхан.

– В том-то и беда, что ее звали Фатима...

Саид замолчал, и надолго.

– А та, что принесла браслеты, назвалась Джейран! – сказал Рейхан. – Старуха сказала мне об этом. Все сходится, о Саид! Мы должны искать караван, состоящий из лошадей и верблюдов, при котором десять невольников, а ведет его женщина средних лет по имени Фатима! Теперь я знаю, что нужно делать – обойти все городские ворота и расспросить стражу!

– Это займет у тебя целый день, ибо я не стану подходить к стражнику даже за золотой венец повелителя правоверных, да хранит его Аллах и да вернет ему хорошее настроение, – заметил Мамед. – И Ясмин не станет этого делать, ибо как женщине ей это неприлично.

– Наконец-то хоть один человек сказал тут разумные слова! – воскликнула Ясмин.

– Потихе, потихе, о Рейхан, о Мамед, о Ясмин, – проворчал неожиданно хмурый и притихший Саид. – Во-первых, если это опытные воры и похитители, то они могут разделить свой караван на несколько отрядов, выйти через разные ворота и потом соединиться. А во-вторых...

Но что могло произойти во-вторых, он так и не сказал.

– Однако если мы не расспросим стражников, мы тем более ничего не узнаем, о рассказчик! – Рейхан уже был готов вскочить в седло, и мчаться, и догонять, и налетать, и отнимать, и блистать мужеством в споре белых мечей и серых копий.

– Послушайте меня, о правоверные, – вмешался Мамед. – Вы в этом городе люди пришлые, а я в нем родился и вырос. Когда я написал первую касыду, которая удостоилась внимания повелителя правоверных, этот рабад еще не был построен, здесь простирались поля и стояли одинокие загородные усадьбы. А мекка, которую теперь пренебрежительно называют

старым городом и смеются над ее запустением, строилась по определенному плану. Улицы в ней прямые и пересекаются под строгим углом, а две ее главные улицы проложены крест-накрест и за городской стеной они переходят в дороги. Но это только кажется, что из города ведут четыре большие дороги, на самом деле их три, потому что та, которая ведет на север, упирается в реку, и делает вместе с ней поворот, и сливается с той, которая ведет на восток. И лишь потом эти три дороги разветвляются. Так что если каждый из нас поедет по одной дороге и будет расспрашивать содержателей караван-сараев, то рано или поздно мы найдем место, где воры вновь соединились и откуда они поехали вместе. А если мы выедем сейчас все вместе из ворот рабада, то будем обречены ехать по одной-единственной дороге до развилки, а это будет нескоро, Аллах мне свидетель.

– Если госпожу украли те, кого я подозреваю, они повезут ее на восток, – сказал Рейхан. – Поэтому растолкуй мне, о почтенный Мамед, какая из дорог восточная, и я поеду по ней, и нагоню этих проклятых, и отниму у них госпожу и ребенка!

– А если госпожу похитили те, кого подозреваю я, то они могут повезти ее на запад, – возразил Саид. – Ибо она, как я понимаю, и была привезена в наши края с запада. Но непонятно тогда, зачем бы этим людям одурманивать госпожу банджем...

– Тебе это непонятно лишь потому, что ты не знаешь всех обстоятельств госпожи, о Саид, и те, кто мог прийти за ней с запада, знали, что добром она не пойдет с ними. Однако ты прав, и вне наших подозрений остается лишь южная дорога.

И они еще потолковали, и Рейхан пошел за погонщиками мулов и верблюдов, а для Ясмин он привел пегого мула-иноходца, чтобы ей были легки тяготы пути. И погонщики привели прекрасных верблюдов, из тех, что могут состязаться на бегах, и они рождаются, когда двугорбый самец-верблюд с востока покрывает одnogорбую верблюдицу пустыни. Рейхан предложил этих верблюдов Саиду и Мамеду, а для себя он имел коня, и он был вороной, точно темная ночь, и подобный благородному Абджару, коню великого Антара.

На этих животных, которые состязались в быстроте с ветром, они выехали из ворот медины, и поехали по трем дорогам, и расспросили содержателей караван-сараев, и оказалось, что никто из них не видел каравана, сопровождаемого десятью невольниками, который возглавляла бы почтенная женщина из купеческих вдов.

* * *

– Еще немного – и домом нашим станет дорога, и мы поселимся на ней, и возьмем здесь себе жен, и родим детей, и дадим им в наследство отрезок дороги и наше ремесло, а ремесло наше будет в том, что мы станем собирать верблюжий навоз и продавать его желающим развести костер!.. – ворчал Мамед, подходя к огню, и подмышкой у него была немалая лепеха сухого навоза, который прекрасно горит и дает тепло.

– Еще немного – и мне нечего будет положить на скатерть, о почтенный Мамед, – отозвалась Ясмин, хозяйничая у костра. – И мы сможем только видеть сны о жареных курочках, начиненных размолотым мясом, о рыбных кушаньях на лепешках из плотного теста и о жирном жарком, которое обмакивают в разбавленный уксус... Скоро для нас, как для бедуинов, наилучшим лакомством станет масло с пахтаньем, которое добавляют к ячменной каше, клянусь Аллахом!

– Похоже, что мы собираем колючки вместо фиников...

– Ты и тут прав, о почтенный Мамед...

– Не ворчи, о женщина, не мешай мужчинам думать, – одернул ее Саид. – Ты видишь сам, о Рейхан, мы промчались подобно песчаной буре по трем дорогам, и расспросили людей, и ответ был один – а вернее сказать, никакого ответа.

– Мне приходит на ум одно, о Саид, – госпожу увезли на север, в горы, – хмуро отвечал Рейхан. – И я в толк не могу взять, кому она понадобилась в диких горах, где нет ни городов, ни селений. Но тем не менее я поеду теперь на север, и этот ужин станет нашим прощальным ужином, потому что я не могу таскать вас за собой до Судного дня по ущельям и бездорожью. Вы и так достаточно сделали для меня, о Саид, о Мамед, и ты, о Ясмин.

Ясмин резко повернулась к нему.

– Молчи, о женщина! – предупреждая взрыв красноречия, воскликнул Саид. – И ты ни слова не говори, о Мамед. Рейхан прав – нам не по плечу тяготы этого пути. И животы наши уже устали от ячменных лепешек. Мы вернемся в город, и, пока Рейхан странствует в горах, позаботимся о старухе и невольницах, которые там остались. А может статься, что Аллах поможет нам, и мы в городе узнаем нечто такое, что поможет Рейхану в его поисках.

– Не скажет ли Рейхан, что мы слишком быстро отступились, о Саид? – засомневался Мамед.

– Нет, я не скажу этого, – и, упершись локтем в колено, Рейхан обхватил рукой лоб и крепко задумался. – Вашей вины тут нет. Наверно, кто-то сглазил меня. Мне давно это казалось...

– Невозможно сглазить того, кто носит на себе бирюзу, о Рейхан, – сказала Ясмин. – Она притягивает к себе все зло от недоброго глаза, и отвлекает беду от владельца камня, а также смягчает гнев сильных и дает достаток.

– И еще она помогает воинам в бою, – добавил Мамед.

Рейхан вынул из ножен и положил перед собой ханджар. Теперь, в дороге, он надел на себя фарджию из полосатого сукна, а под ней на чернокожем была голубоватая рубаша из шелкового муслина. Сверх же всего он накинул просторный серый шерстяной плащ-аба, которым при желании можно было укрыть и голову.

Погладив серое лезвие с волнистым рисунком, изгибы которого не повторялись, а это свидетельствует о том, что сталь сварили не в Дамаске, а в самой Индии, Рейхан коснулся пальцами крупных, хорошо отшлифованных кусков бирюзы, вделанных в рукоять ханджара, очевидно, на ощупь пытаясь определить, что за зло они втянули и впитали и от кого бы это зло могло исходить.

– Так выпьем же на прощание хотя бы настойки из фиников, и каждый поедет своей дорогой, чтобы нам до темноты успеть к караван-сараю, а тебе, о Рейхан, добраться до реки, где ты наверняка найдешь ночлег, – предложил Саид. – И поедим, хотя пир наш скромный. А хозяином пира будешь ты, о Рейхан, и ты станешь развлекать нас занимательными рассказами, пусть бы даже и собственной историей. Хотя на прощание хотели бы мы узнать, кто твоя прекрасная госпожа и каковы ее обстоятельства.

Рейхан в великом удивлении поднял голову.

– Зачем ты вздумал перехитрить меня, о Саид? – спросил он. – Зачем тебе знать, кто моя госпожа и каков мой долг перед ней?

– Не будь осторожнее, чем это требуется, о Рейхан. Затем, что госпожа, за которой мы гоняемся днем и ночью, может оказаться из числа моих врагов, и если я буду знать правду о ней, это окажется во благо и мне, и тебе, – сказал Саид. – Повторяю тебе, о Рейхан, в истории, которую рассказывал возле хаммама мой ученик Мамед, было нечто, способное послужить приманкой врагу или же опознавательным знаком другу. Твоя госпожа откликнулась – но я все еще не знаю, из врагов она или же из друзей. Если бы я убедился, что она из врагов, то покинул бы этот город и искал убежища в другом месте. А если из друзей – то мне нашлось бы, что ей сказать. Прошу тебя, о Рейхан, не надо удерживать знание, подобно тому, как путник, сидя на верблюде, удерживается от того, чтобы справить малую нужду.

– Был час, когда она нуждалась в друзьях, о Саид, – отвечал Рейхан. – И неизвестно, что всем нам судил Аллах. От меня потребовал молчания тот, кого я зову братом, но он не мог предвидеть, что я встречу тебя. Так что слушай... Все это началось...

Рейхан замаялся, не желая называть места, но Саид пришел ему на помощь.

– ...началось на островах Индии и Китая! Продолжай, о Рейхан.

– Так вот, на островах Индии и Китая был некий город, а в нем правил царь, – усмехнувшись, продолжал Рейхан. – И он предпочитал черных женщин, и одна из его любимиц родила ему сына, и мальчику дали имя Ади, а прозвище его среди детей, а потом и среди взрослых было аль-Асвад, что значит у нас не столько Черный, сколько Чернокожий...

История Ади аль-Асвада ибн аль-Хаммаля, рассказанная его молочным братом Джабиром ибн Джафаром

...И царь назначил младенцу слуг и нянек, и установил им выдачи сахара, напитков, масел, и прочего, чего не перечислить, и велел привести ему кормилицу, обильную молоком и надежную. И выбор пал на женщину, тоже черную, жену одного из дворцовых служителей, которая недавно родила сына. И это была моя мать, и она поселилась в покоях любимицы царя, так что мы с Ади росли вместе, и стали как братья.

А вельможи того царства часто говорили царю, что ему нужно взять себе жену из царских дочерей, чтобы она родила сына, который взойдет на престол. Но он не хотел, и сердце его склонялось лишь к черным женщинам.

И оказалось, что Ади – единственный сын царя, так что он должен был стать наследником престола. И его воспитывали, как будущего царя, и в красноречии, адабе и арабском языке он достиг совершенства. А я воспитывался вместе с ним, и у обоих нас больше склонности было к конным играм и охоте, чем к книгам, и мы полюбили копье, ложились спать с мечом, а подстилкой нам служили львиные шкуры, и нашими сотрапезниками были не мудрецы и знатоки древних преданий, а полководцы и эмиры царя, и они любили царевича Ади, и многому учили его и меня, и, смеясь, говорили, что он станет царем, а я – его вазиром.

И нас научили езде на конях, метанию стрел, игре с копьем и игре в шар, но более всего – науке воинской доблести и чести.

А когда Ади достиг возраста одиннадцати лет, его отец состарился, и вельможи царства забеспокоились, и сказали:

– О царь времен, твое царство окружено врагами, и нет у тебя союзника среди царей, а если бы ты взял в жены царскую дочь, и она родила тебе ребенка, то ее отец стал бы твоим союзником против врагов, и если есть крайний срок совершить это, то он уже настал!

И царь, а я с умыслом не называю его имени, ибо знающий поймет, а незнающему и понимать незачем, задумался, и призвал вельмож, и велел им найти подходящую невесту. А у них уже была на примете дочь другого царя – и опять я не назову его имени, ибо это ни к чему. И за девушкой послали послов, и они повезли богатые дары, и обо всем условились, и вскоре привезли царю невесту. И оказалось, что она хороша собой, а нрав у нее мягкий и уступчивый, так что царь к ней привязался. И она проводила с ним ночь за ночью, пока не понесла, и у нее родился сын. Но мальчик рос болезненным, и все долгое время сомневались, выживет ли он, и не спускали его с рук, и выполняли все его желания, так что рос он крикливым и взбалмошным, ни в чем не зная отказа.

А между тем царь еще не объявил, кто из сыновей станет его наследником: старший, Ади, от черной женщины и сам черный, или этот Мерван, младший, что от белой женщины и дочери царя.

И прошло еще несколько лет, и царь стал совсем дряхлым, а его сыну Ади и мне исполнилось по девятнадцать лет, и мы погружались в ревущее море боя, и сражались с мужами, и

оба мы были подобны хмурым львам, залитым в железо и кольчуги, когда выезжали во главе наших удалцов, и не было никого более стойкого в единоборстве, чем Ади, но я от рождения был сильнее и глубже разил копьем. А Мерван еще жил в хариме со своей матерью.

И в один из дней к Ади тайно пришел невольник его матери и сообщил, что в хариме беспокойство, и жена царя тяжело больна, и все шепчутся, что ей подсыпали яд, и что сделано это придворным врачом по приказу матери Ади. А когда это случилось, мы были вне города, в военном лагере, и не могли его открыто оставить.

И мы вдвоем выехали из лагеря ночью, и гнали наших коней, и еще до рассвета скакали в столицу. И Ади с невольником потайным ходом вошли во дворец, а я остался с лошадьми, и ждал долго, и вдруг появился Ади с джамбией в руке, и он держал клинок отставленным, как бы выражая ему свое презрение. А уже светало, и я увидел, что с джамбии капает кровь.

– О Ади, ради Аллаха, чья это кровь? – спросил я. – И нет ли за тобой погони?

– Это кровь изменника! – воскликнул Ади и вонзил джамбию в землю, чтобы очистить. – Но я не имел права входить туда, где убил его, и пусть это дело останется тайным. Скажу тебе одно – я ударил его джамбией над трупом моей матери, которую он отравил! И это – придворный врач, да не будет ему прощения на Страшном суде!

И он сжимал в руках джамбию, и потрясал ею, так что я испугался, как бы он случайно не поранил себя или меня, и забрал ее. А Ади сказал, чтобы я оставил ее себе, потому что он не сможет больше видеть этот клинок. Так что я всегда ношу ее с собой – и вот она, у меня за поясом.

И мы сели на коней, и помчались, и приехали в лагерь, и провели там два дня, не имея известий из дворца, и вдруг нам сообщили, что наследником царя назначен Мерван! Ади, услышав это, в ярости вскочил на коня, и помчался по пустыне, и вернулся несколько часов спустя, покрытый пылью, а конь его был при последнем издыхании.

Я же расспросил гонца, и вот что он мне сказал:

– Открылось, что мать Ади аль-Асвада, чернокожего, и придворный врач умыслили отравить жену царя и ее ребенка, царевича Мервана, чтобы единственным наследником сделался Ади. И она заболела, и утроба ее не принимала пищи, и позвали врача, но он сказал, что не может разобраться в причине ее болезни. И тогда пришли имамы, и стали читать над ней молитвы, и вдруг она приподнялась и слабым голосом сказала, что спасена. И она поведала, что когда лежала без сознания, душа ее улетела и оказалась у райских врат, и ангел Ридван в зеленых одеждах, охранявший их, сказал ей: «Уходи, о женщина, во имя Аллаха, твое время еще не настало, как не настало время твоей соперницы и придворного врача, с которым она сговорила!» И стали искать мать Ади, ее соперницу, и придворного врача, но нигде их не нашли. И было объявлено, что они увидели неудачу своего злодеяния, и испугались, и тайно покинули дворец!

Когда я услышал это, то не поверил собственным ушам, и велел гонцу рассказать мне это дважды и трижды. И он повторил свой рассказ, ничего не прибавляя и не изменяя.

И я пошел к Ади, и обнял его, и поклялся ему в вечной преданности. А потом я спросил его:

– О брат, как же это вышло, что ты видел тело своей матери, отравленной врачом, и врача, и поразил его джамбией, а потом оба они, уже мертвые, исчезли из дворца?

– Я не знаю, о Джабир, – отвечал мне Ади, – и сейчас я думаю, что, возможно, не поразил этого проклятого врача насмерть, а всего лишь ранил.

– Как же ты догадался, что он отравил ее? – спросил я.

– Она лежала на ложе, и еще шевелилась, а он вливал ей в рот какое-то зелье, дурно пахнущее, а она отталкивала его, – сказал Ади. – И вдруг зелье полилось у нее изо рта, и она

упала, и руки ее вытянулись вдоль тела, так что сразу было видно – ангел смерти Азраил явился за ней!

– А что, если он пытался дать твоей матери противоядие? И только этим объясняется, что он оказался в ее покоях в ночное время, о Ади! – воскликнул я.

– Но почему же он не объяснил мне этого? И если он жив – то почему не дает о себе знать? А если мертв – куда делось его тело и тело моей матери? – такие три вопроса задал мне Ади, но я мог ответить лишь на один из них, на первый.

– О брат, а разве есть время на разговоры у человека, на которого ты замахнулся джамабией? Он и Аллаха не успеет призвать, как ты поразишь его, и острие выйдет, блистая, из его шеи! Тем более, если у него слюна от страха высохла...

И тут лишь Ади после всех волнений последних дней закрыл себе лицо, и заплакал, и я утешал его, как умел. А потом я позвал надежного невольника, и дал ему денег, и велел вывести мою мать из дворца и спрятать ее, так как опасался за ее жизнь. И он сделал это, и я отправил свою мать к ее родственникам, а Ади узнал об этом, и похвалил мою предусмотрительность, и запомнил ее.

А я успел расспросить свою мать, и она сказала, что мать Ади действительно в последние дни несколько раз тайно призывала к себе придворного врача, и они беседовали наедине, но женщины скрывали это дело, потому что врач молод и хорош собой, так что они поняли это дело по-своему.

И мы провели какое-то время в военном лагере, окруженные преданными Ади отрядами и полководцами, ожидая, что еще предпримет царь, отец Ади. Вскоре царь прислал гонца, и в послании был приказ к Ади приехать в столицу. Но мой брат был сильно обижен на отца, который не сделал его наследником, а отдал трон ребенку, еще не покидавшему харима, хотя было время, когда он обещал отдать трон Ади. И мы остались в лагере. Я полагаю, к своему же благу.

Потом привезли другое послание, и в нем царь приказывал своему старшему сыну отправляться с частью войск на границу, где были замечены отряды вооруженных франков. Это могли быть паломники, которые никогда не ходили поклониться своим христианским святыням без вооруженной охраны, и собирались для этого в целые караваны по тысяче и более человек, а могло быть и нечто совсем другое. Царское приказание пришлось Ади по душе, и он отобрал тех воинов, чью верность испытал, десять тысяч всадников в полном вооружении, стойких в боях и в тяготах, и поставил над ними полководцев, которые были ему преданы, и мы поехали к границе.

Я не стану описывать наших стычек с франками, и бесед Ади с пленными, и его вопросов, и их ответов. Все вы знаете, что франки прибыли сюда из Афранджии, чтобы освободить могилу пророка Исы, которого они называют богом, хотя он не предвечен, а сотворен. И нет мне дела до споров между богословами.

И мы были заняты битвами с храбрецами, и поединками с витязями, и конными ристаниями, и это длилось несколько лет. Мерван вырос, и стал сидеть вместе с царем в диване, и приказывать, и позволять, и запрещать, и мы получали из столицы послания от царя и отвечали ему, но не приезжали туда ради своей безопасности.

И вот как-то мы с небольшим отрядом всадников преследовали противника в течение трех дней, так что отделились от своего лагеря, и оказались в долине, обильной деревьями и растениями. И Ади велел уставшим всадникам устроить привал, и расседлать коней, и приготовить себе пищу.

А ему подарили коня по прозвищу аль-Яхмун, что значит «убивающий всадников», и он не знал усталости и был обучен бою и яростен в битве. И подо мной тоже был хороший конь, и вот мы вдвоем поехали осмотреть эту долину, потому что Ади искал уединения, и только мне он позволял свое уединение разделить.

Мы ехали, беседуя, и заехали довольно далеко, так что увидели горы, замыкающие собой долину. Тогда мы посмотрели на звезды и установили свое местоположение, и вдруг оказалось, что мы добрались до христианского монастыря в честь их подвижника по имени Савва, а чем он знаменит – я не знаю.

– В этих местах нужно быть поосторожнее, о Ади, – сказал я, – потому что франки часто навещают этот монастырь, даже теперь, когда воюют, и здесь можно столкнуться с целым отрядом всадников.

– Я не вижу тут угрозы, о Джабир, – отвечал мне Ади. – Уже ночь, и если кто-то приехал, то он уже в монастыре, за стенами, и охрана также. А лошади у них, сам знаешь, скверные. Хорошо то, что ты предупредил меня, оправдав свое прозвание – Предупреждающий, и мы просто не будем подъезжать слишком близко к ущелью.

А монастырь был построен в давние времена как раз в начале ущелья, на крутом горном откосе, его каменные стены уступами поднимались вверх, и поблизости не было никакого жилья. Но в противоположном склоне ущелья были выбиты маленькие пещеры, которые служили кельями тем монахам, что предпочитали отшельничество. Теперь, когда мы воевали с франками, эти кельи, очевидно, пустовали, и их обитатели скрывались в монастыре, и мы заговорили об этом, и повеселились над отшельниками, которые нынче вынуждены терпеть общество себе подобных.

И мы ехали, пока не оказались в роще на берегу неширокой реки, и вдруг услышали с другого берега и громкий шум и нежный, звонкий смех, пленяющий сердца мужей. Но те слова, что доносились до нас, были нам непонятны.

– Это жены и дочери франков, о Джабир, – сказал мне Ади. – Видимо, они плохо переносят дневной жар и стараются проспать самое тяжелое время в палатках, покрытых мокрым войлоком, а ночью выходят на прогулку. Ты видел когда-нибудь христианских женщин?

– Хотя они и ходят без изаров, с открытыми лицами, но я ни одной из них не видел, если не считать старой невольницы моей матери, о Ади, а по ней судить трудно! – со смехом отвечал я. – Но, говорят, они сильно отличаются от тех гречанок и армянок, которых мы с тобой знаем. Давай сойдем с коней и подкроемся поближе, и посмотрим, чем это они там занимаются! А если хочешь, мы можем налететь на них и похитить одну или двух, и лучшей добычи мы в эту лунную ночь не найдем, клянусь Аллахом!

И мы сошли с коней, и привязали их, и по берегу подкрались совсем близко, и вот что мы увидели.

На том берегу горел костер, а рядом с ним десять или более девушек образовали круг. И те, которых мы могли разглядеть, стояли, повернувшись к нам спинами, так что мы видели их распущенные волосы, и плечи, и бедра. А поверх распущенных волос на них были легкие покрывала и зубчатые венцы. Девушки эти шумели, как и полагается девушкам, оказавшимся без надзора старших. И вдруг все они дружно взвизгнули, и расступились, и мы увидели, как одна, высокая ростом и со светлыми волосами, вылетает из круга и падает на траву. Не успели мы удивиться, как она поднялась на ноги, и скрылась среди подруг, и круг сомкнулся.

– Успел ли ты разглядеть ее, о Джабир? – спросил меня Ади. – Этот проклятый костер светит так, что мы видим лишь очертания да тени! Годится ли она, чтобы стать добычей?

– Мне кажется, она хороша собой, о Ади, – сказал я, – но только давай сравним ее с другими. Может статься, она среди них – наилучшая, а может статься – и наихудшая!

– Не перебраться ли нам на тот берег? – предложил он.

– А если в темноте затаились их невольники с лошадьми и оружием? – спросил я его, ибо из нас двоих я был осторожнее. И мы остались на прежнем месте, только прошли несколько шагов, чтобы лучше разглядеть девушек.

Тут они опять закричали, опять расступились, и другая девушка выпала из середины круга. Сама встать она не смогла, ей помогли, и мы как следует разглядели и упавшую, и помо-

гавших. И на месте франков я держал бы этих девушек дома, а не возил их по разным странам, показывая всем, кого Аллах наделил зрением, потому что мало чести землям, которые производят таких некрасивых и неуклюжих женщин. У той, что упала, были длинное лицо, и подбородок, подобный каменному надгробию, и широкая спина, и плоский зад, так что если бы не волосы, прямые и растрепавшиеся, она во всем была бы подобна мужчине.

– Что там у них происходит, о Джабир? – удивился Ади. – Ради Аллаха, уж не борьбой ли они там занимаются?

Но я и сам не мог понять, в чем дело.

Оба мы еще могли допустить, что франки учат своих дочерей ездить на конях и владеть клинками, хотя мечи у них тяжелые, но какому безумцу пришло бы в голову воспитывать из девушек борцов, наподобие тех, что вступают в схватки на базарах, а потом ходят по кругу, собирая деньги?

– Клянусь Аллахом, я догадался! – негромко воскликнул Ади. – Эти развратницы знают, что они нехороши собой, и боятся, что, когда их возьмут в харимы, красивые невольницы станут их соперницами, и они будут сражаться за благосклонность мужей! Вот они и учатся ставить подножки!

– У этих нечестивых нет харимов, о Ади, – сказал я. – Каждый из них берет одну жену, и вера запрещает им брать в дом других жен, даже если они могут их прокормить.

– Тогда мне понятно, почему они ходят с открытыми лицами, – сообщил Ади. – Если у каждого мужчины только одна жена, то для всех женщин не хватает мужей, и они вынуждены привлекать внимание мужчин всеми средствами. И там, где наши женщины всего лишь на ходу бьют ногой об ногу, чтобы звенели браслеты и мы оборачивались на звон, там эти распутницы обнажают лица.

Этот вывод мне понравился, и я привел слова из Корана, в которых женщинам предписывается скромность, и Ади привел другие изречения пророка, и эта беседа была мне вдвойне приятна, потому что Ади, казалось, развеселился и забыл о своих печалях и беспокойствах.

Тут возле костра опять раздался крик, и девушки расступились, и мы увидели, что две из них действительно борются. И одна была с длинными светлыми косами, с обнаженными руками, плечистая, как мужчина, а другую мы из-за нее не видели, пока плечистая не сделала ошибочного движения, и другая не подставила ей подножку, и не повалила ее, и не встала над ней на одно колено, придерживая ее вывернутую руку двумя руками, так что лицо поверженной девушки прижалось к траве.

– Клянусь Аллахом!.. – воскликнул тут Ади, но больше ни слова произнести не смог.

Ибо девушка-победительница была прекраснее всех женщин, кого мы оба когда-либо в жизни встречали.

Сказать, что она подобна луне в ее полноте и совершенна по существу и по свойствам, и подобна драгоценнейшей жемчужине или сбежавшей из рая гурии, значит употребить понапрасну слова. Аллах не создал другого лица столь победоносной красоты! И она вскинула голову, и длинные волосы, черные и вьющиеся, окутали ее плащом, и когда она стояла, преклонив колено, они касались земли и лежали на траве. А потом она отпустила поверженную и быстро встала, и мы увидели ее всю – невысокую ростом, в зеленом платье с глубоким вырезом, которое по бедрам стягивал драгоценный пояс, так что и грудь ее, и талия, и бедра обрисовались, словно ее облили водой, и вода струилась, и пенилась у ног.

И она была безупречна!

Девушка обратилась к подругам, и что-то сказала, но одни отвернулись от нее, а другие покачали головами, и опять поднялся шум. Мы догадались, что она ищет себе поединницу, но никто не хочет вступать с ней в схватку, и поняли, что она и прежде была победительницей.

– Я отдал бы аль-Яхмума, чтобы вступить с этой девушкой в схватку! – воскликнул Ади.

– Тише, о Ади, не то нас услышат! – предостерег я. – А что до схватки – мы можем выждать подходящую минуту, и налететь, и похитить эту девушку. Но если Аллах к нам благосклонен, он не позволит нам совершить такую глупость. Ведь эта девушка – из благородных, разве ты не видишь, что она привыкла приказывать, а прочие – подчиняться? Это не простая невольница, ради которой среди ночи не станут садиться в седло. А мы забрались сюда тайно, и франкам вовсе ни к чему знать, что всадники правоверных находятся на расстоянии не более двух фарсангов от монастыря. Неужели ты хочешь, чтобы за нами погнались и налетели на наш лагерь? Ведь с нами не так уж много всадников, о Ади, и они утомлены после трехдневной скачки, и франки могут застать их врасплох.

– Хорошо, о Джабир, – сказал тогда Ади. – Мы не станем нападать на этих девушек, но раз Аллах послал их на нашем пути, он даст нам и средство овладеть красавицей!

Тем временем у девушек началась суeta. Мы посмотрели – и увидели, что к ним торопливо приближается на высоком муле женщина, богато одетая и в сопровождении вооруженных слуг. И ее лицо также было открыто, а волосы спрятаны под белую повязку и покрывало, и лет ей на вид было более пятидесяти, и она хранила следы былой красоты.

Эта женщина сразу же направила мула к той, что покорила наши сердца тонким станом и тяжелыми бедрами, большими глазами и вьющимися кудрями. И она протянула к девушке руку и закричала, а та сердито отвечала ей, встряхивая головой, и тогда женщина обратилась к другим девушкам, и те отвечали ей с покорностью, указывая руками на нашу избранницу.

И пожилая женщина сошла с коня и пошла прямо к девушке, протянув перед собой руки, как бы намереваясь вступить с ней в схватку.

Тогда и девушка протянула перед собой руки, и все расступились, и эти две поединщицы закружили по лугу, глядя друг дружке в лицо, и стоило одной протянуть к другой руку, как та немедленно отбивала, и стоило одной сделать шаг вперед, как другая немедленно делала шаг в сторону, и вдруг мы видим – женщина выбросила вперед руку, сжатую в кулак, и камень в ее перстне вспыхнул, как большая искра, и девушка отшатнулась, и попятилась, и молча сошла с травы, и оказалась на прибрежном песке, а пожилая шла за ней, грозя ей кулаком, и искра то гасла, то вновь разгоралась.

И девушка, пятясь, вошла в реку, как бы не понимая, что ее ног коснулась вода.

Неизвестно, чем кончился бы этот диковинный поединок, если бы у нас был лук со стрелами. Но луки и стрелы остались, притороченные к седлам, там же, где и наши кони.

– Эта скверная заворожила ее, клянусь Аллахом!.. – прошептал я.

Ади всегда в поступках был быстрее меня. Я понял, что произошло, а он уже знал, как нужно поступить, и поднял камушек, и запустил его, так что он ударил девушку между лопаток. И она вздрогнула, и обрела голос, и закричала на старуху громким криком, и та растерялась, не понимая, что случилось произошло. А потом девушка повернулась, и бросилась в воду, и поплыла прямо к нам, а старуха пошла к ее подругам, и закричала на них, и они сбились вместе, и все это было так, как будто пастух сгоняет в стадо овец.

И те девушки кинулись собирать свои вещи, лежавшие у костра, а старуха села на мула и показала рукой в сторону реки, как будто велев девушкам дожидаться, пока их победительница выйдет из воды, и показала рукой в сторону монастыря, как будто приказав немедленно туда возвращаться.

А та, что бросилась в воду, быстро переплыла реку, взмахивая обнаженными руками, хотя волосы мешали ей плыть, и вышла на берег, и склонила голову набок, отжимая свои длинные волосы, и они сразу же завились толстыми жгутами. И девушка приподняла кудри, и подбросила их в воздух, и таким образом сушила их на ветру, а мы стояли и смотрели, как зачарованные.

И вдруг Ади, не выдержав, сделал два шага вперед и встал так, что девушка его увидела, и сложил перед собой руки и поклонился ей, сказав:

– Привет, простор и уют тебе, о госпожа!

Но он обратился к ней на арабском языке, надеясь, что она, не поняв смысла слов, поймет все же, что мы желаем ей добра. А языка франков ни он, ни я не знали, да и по сей день не знаем, потому что он нам ни к чему.

Девушка отступила назад, что было естественно при ее обстоятельствах, и слегка развела руки в стороны, и колени ее согнулись, и всем своим видом она показала готовность к схватке врукопашную.

А Ади продолжал:

– Ради Аллаха, не бойся, потому что мы не причиним тебе зла. Если бы ты знала, что брошенный мной камушек избавил тебя от власти той скверной старухи, ты бы не испугалась меня, о госпожа. Но я не знаю, как объяснить тебе это.

– Я все поняла, – отвечала она нам по-арабски.

И это было еще более удивительно, чем ее поединки с другими девушками и со старухой!

– Кто ты, о госпожа? – спросил тогда Ади. – Ты похожа на дочерей арабов и могла бы быть прекраснейшей среди них, но ты одета, как женщины франков. Может быть, они похитили тебя и заставили принять веру креста и зуннара? Тогда мы возьмем тебя с собой и вернем твоим близким.

– Я дочь знатного человека! – строптиво отвечала она. – Мой отец – один из предводителей франков, и если вы увезете меня, за мной пустятся в погоню четыре тысячи всадников!

– О Джабир, мы были подобны тому, кто собирает хворост ночью! – воскликнул Ади. – Вместе с хворостом он подбирает и сучья, и помет, и камни, ибо не видит ничего в потемках. А мы собирались всего лишь развеять свою печаль и усталость, но вместе с этим нашли красавицу времен и услышали от нее такие важные для нас сведения!

И я рассмеялся, и вышел из-за деревьев, и тоже поклонился франкской девушке.

– Вас тут двое! – воскликнула она. – Если вы приблизитесь ко мне, то я закричу и мои девушки услышат меня, и сюда за мной примчатся слуги моего отца!

– Мы приблизимся к тебе ровно настолько, насколько ты пожелаешь, о госпожа, и не забывай, что это мы спасли тебя от той старухи, разрушив ее чары прибрежным камушком, – сказал Ади.

– Какие чары и что за камушек, о сарацины? – спросила девушка, не очень, впрочем, нам доверяясь, потому что одновременно она пошарила рукой у пояса, и нашла подвешенный к нему короткий нож, и положила руку на его рукоять.

– А как по-твоему, госпожа, почему ты оказалась в реке? Разве ты не помнишь, что старуха загнала тебя в воду, размахивая перед твоим лицом сжатым кулаком, а ты покорно отступала перед ней? И ты была как те, что грезят наяву, и мы испугались за тебя, и я поднял камушек, и метнул, и попал тебе между лопаток, – растолковал Ади.

– Этого не могло быть! – не совсем уверенно и все же достаточно упрямо отвечала она. – Этого не могло быть...

Но по ее лицу мы поняли, что Ади своим объяснением смутил ее, и она задумалась о кознях старухи, и мало радости доставляют ей эти размышления.

– Если общество наше тебе неприятно, мы можем уйти, о госпожа, – сказал тогда Ади. – Ибо мы – не турки-кочевники, мы из благородных арабов, и поэтому не причиним тебе зла. К тому же нам не подобает смотреть на открытые лица женщин, которые нам не принадлежат. Будь я твоим отцом, о госпожа, ты до самой свадьбы не покинула бы дома. Накажи Аллах того, кто позволяет такой красавице разгуливать с непокрытым лицом, чтобы ее мог взглянуть первый встречный! Пойдем, о Джабир, вернемся в лагерь.

– Вернемся, о Ади, – немедленно согласился я, потому что и впрямь наступило время возвращения.

Девушка решительно повернулась и снова шагнула в воду реки, чтобы переплыть ее и вернуться к своим друзьям.

И тут Ади произнес стихи. Ибо если благородному арабу приходят на ум стихи, он обязан поделиться своей радостью с друзьями и произнести их.

И вот эти стихи:

*Явилась она, как полный месяц в ночь радости,
И члены ее нежны, и строен и гибок стан.
Зрачками прелестными пленяет людей она,
И алость ланит ее напомним о яхонте.
И темные волосы на бедра спускаются —
Смотри, берегись же змей волос ее выющихся.*

Услышав первый бейт, девушка застыла, словно каменная. А когда прозвучал третий, она повернулась, и на губах ее блуждала улыбка, и во взгляде была радость.

– Прибавь, о Ади! – потребовала она.

И он прочитал другие стихи:

*О девушка, ловкость ее воспитала!
У щек ее солнце свой блеск занимает.
Явилась в зеленой рубашке она,
Подобной листве, что гранаты скрывает.
И молвили мы: «Как назвать это платье?»,
Она же в ответ нам сказала прекрасно:
– Мы этой одеждой пленяли сердца
И дали ей имя «пленяющая сердца».*

– Прибавь, о Ади... – прошептала девушка.

– Очередь – за тобой, о госпожа, – возразил он.

И, к огромному нашему удивлению, дочь франка ответила арабскими стихами:

*Награди Аллах возвестившего, что вы прибыли
Он доставил мне наилучшее, что я слышала.
Будь доволен он тем, что порвано, подарила бы
Ему душу я, что истерзана расставанием.*

– Тебя слишком взволновали стихи, о госпожа! – воскликнул Ади, ибо и в голосе девушки, и в ее взгляде было какое-то безумие, еще не буйное, но, во всяком случае, непонятное и необъяснимое. – Если мы тому виной, то мы оставим тебя и возвратимся к нашим всадникам, а ты...

– Нет, постойте! – девушка не произнесла эти слова, а скорее выкрикнула, и вскрик этот был подобен тому, что издают раненные. – Побудьте со мной еще немного, поговорите со мной, о дети арабов! Ведь я так давно не слышала стихов на этом языке!..

– Ты приказываешь, мы повинемся, о госпожа, – отвечал Ади, весьма удивленный.

– На голове и на глазах, – подтвердил нашу покорность я. – Кто научил тебя нашему языку, о госпожа?

– За мной ходила пленная сарацинка, она учила меня арабскому языку и рассказала об Аллахе, – объяснила девушка. – И она читала нараспев стихи, равных которым я нигде и никогда не слышала. О Ади, о Джабир, если бы вы знали, какую тоску будили в моем сердце эти

стихи! А окончив их, Зейнаб говорила: «О доченька, ты родилась в землях, где не знают толка в женской красоте, достоинствах и совершенствах! Но ты вырастешь, и мы уедем туда, где не приходится весь год кутаться в звериные шкуры, где никто не вешает на стены толстые ковры лишь потому, что от стен тянет холодом, где красивые женщины ходят в легких шелках, звеня запястьями, и купаются в водоемах, вода которых благоухает розами! Мы уедем туда, где поэты соревнуются, кто лучше опишет красавицу, и лучшему из них повелитель правоверных дарит кафтан со своего плеча! Здесь нет для тебя достойного мужа, клянусь Аллахом!» И она плакала, и ругала наших мужчин, которые бьют своих жен, даже самые знатные из них, и тосковала по своей родине.

– Что стало с ней, о госпожа? – одновременно спросили Ади и я, хотя ответ был нам ясен, ибо тоска по родному дому убивает.

И не напрасно рассказывают, что когда Аммар Ясир, верный и преданный, бежал из Мекки в Медину, то пророк, да благословит его Аллах, после первых приветствий спросил о Мекке:

– В каком состоянии ты покинул Мекку и ее долины?

– Деревья в Мекке зазеленели, – отвечал Аммар Ясир, – воды прозрачны и воздух чист.

– Да успокоятся сердца! – воскликнул пророк. – Не говори больше о красотах Мекки, ибо огонь в моем сердце все еще не улегся.

Мы рассказали это предание девушке, и она одобрила его.

– Зейнаб умерла больше года назад, а я осталась жить среди людей, не знающих, что такое музыка и пение, и я ни с кем не могла говорить о тех стихах и мелодиях, потому что наши женщины не поняли бы их прелести, – сказала девушка. – И я стала тосковать так же, как тосковала она. Я хотела ходить босая по разноцветному мрамору, которым выложены края водоемов, и бегать в саду среди цветов, и слушать из-за занавеса длинные сказки, ради которых в женские покои приглашают лучших рассказчиков, и чтобы в сказках непременно были и любовь, и разлука, и расставание, и сближение...

– Пойдем с нами, о госпожа! – пылко воскликнул Ади. – Ты будешь жить такой жизнью!

– Не могу, – вздохнула она. – Ибо я – христианка, а вы – мусульмане. Я не должна изменять своей вере.

И возразить тут было нечего.

Мы не так хорошо знали богословие, чтобы доказать преимущества Корана, да и она, будучи женщиной, не настолько разбиралась в вопросах своей веры, чтобы спорить о ней.

– Как звать тебя, о госпожа? – спросил Ади.

Она задумалась.

– Я не хочу говорить тебе свое имя, поскольку тогда ты поймешь, чья я дочь, а вы с ним враги, – вполне разумно ответила она. – Зови меня Абриза, о Ади, как звала меня моя Зейнаб, мне нравится это имя, и я готова на него откликаться! А имя, которым меня окрестили, мне вовсе не нравится.

– Если бы ты позволила увезти себя, о госпожа, и если бы ты перешла в нашу веру, то получила бы наипрекраснейшее имя, – сказал Ади. – Ты звалась бы Камар аз-Заман...

– Ибо ты воистину достойна зваться Луной времени, – подтвердил я. – Клянусь родинкой, что украшает твою овальную щеку...

– Сколько мне пришлось вытерпеть из-за этой родинки, о Джабир! – воскликнула Абриза. – Когда я только родилась, моя тетка Бертранда, которой отец доверил следить за моим кормлением и воспитанием, увидела эту родинку и сказала: «О несчастье, на лице у ребенка – метка дьявольского когтя!» И она до сих пор уверена, что мне покровительствуют какие-то зловредные демоны. А я никаких демонов в глаза не видела и не слышала, о Ади, о Джабир!

– Кого ты имеешь в виду, о Абриза? – осведомился я.

Она объяснила. Речь шла об ангелах Аллаха, восставших против него и низвергнутых в преисподнюю. Христиане, как и мы, слышали это предание и передавали его, но иначе. Во-первых, они не знали, что взбунтовался лишь один из ангелов, Иблис. Во-вторых, они неверно назвали причину. Всякий скажет, что Иблис не пожелал поклониться Адаму, за что был проклят Аллахом и изгнан из рая, однако перед изгнанием попросил у Аллаха права совращать с праведного пути потомков Адама, и Аллах разрешил ему совращать тех, которые сами последуют за ним. А они выдумывают, будто на небесах произошло целое сражение, да не облегчит Аллах их участь. Впрочем, чего и ждать от тех, кто поклоняется сотворенному?

– Нет, на твоём лице я не вижу меток Иблиса, и ни один шайтан не прикасался к нему когтем, – сказал Ади. – И если бы кто-либо сказал при мне такое, я вколотил бы ему эти слова обратно в глотку, клянусь Аллахом!

– Как бы я хотела, чтобы вы оба пошли со мной вместе, и жили бы поблизости, и мы могли бы встречаться... – с тоской произнесла Абриза.

– Это невозможно, о госпожа, – с такой же тоской прошептал Ади. – Ибо мы – правоверные, а ты – христианка.

– Пусть так! – воскликнула она. – Но эта ночь, о Ади, принадлежит нам троим! Давайте переберемся на тот берег, к костру, где меня ждут мои девушки, и расстелем скатерть, и угостимся, и выпьем вина! Я знаю, что вино для вас запрещено, но ваш Аллах простит вам за то, что вы так меня утешили, о Ади, о Джабир!

Мы переглянулись.

– Мы твои гости, о госпожа, – сказал Ади. – Сейчас мы приведем наших коней, и переправимся на тот берег, и примем твое гостеприимство.

Но мне эта затея очень не понравилась.

– Кто поручится, что за тобой не следят, о Абриза? – спросил я. – Вот мы переправимся, и сядем у костра, и угостимся, а тут вдруг налетят всадники твоего отца, и свяжут нас, и бросят в темницу, и пошлют гонцов к нашему царю, и станут требовать за нас выкупа. А ведь Ади – сын царя, и выкуп за него придется отдать немалый.

– Мой отец сейчас далеко, – отвечала Абриза. – И те всадники, что сопровождают нас в паломничестве, повинуются мне и моей тетке.

Она помолчала и поправилась:

– Точнее говоря, моей тетке Бертранде и мне. Но она уже старая, и вернулась в монастырь, и уже давно спит. Она – родная сестра матери моего отца, а отец уже немолод, так сколько же ей лет? Я не знаю этого. Знаю только, что она ненавидит меня так, как только может одна женщина ненавидеть другую. Ей отвратительно все, чем я обладаю, – и она говорит, что неприлично иметь такие длинные и вьющиеся волосы такого нестерпимо черного цвета, такие темные глаза, такие бедра. А ведь моя бабушка по матери была из Прованса, и женщины там темноволосы и кудрявы! Еще она говорит, что если бы замок моего отца, где я появилась на свет, не охраняли в ту ночь с таким тщанием, если бы она сама не охраняла покои моей матери, то она бы могла поклясться, что меня демоны подменили в колыбели!

– Нет в тебе ничего от шайтана, о Абриза, – сказал Ади. – И мы переправимся на тот берег, и посидим у твоего костра, а ты, о Джабир, не возражай и не прекословь! Если бы одна из дочерей арабов оказалась в таких обстоятельствах, разве ты из осторожности отказал бы ей в сочувствии?

И, разумеется, все вышло по его желанию. Мы привели коней и переправились, посадив Абризу на круп моего жеребца, потому что аль-Яхмум признавал только Ади, а всех прочих, оскверняющих его спину своей тяжестью, сперва кусал за ноги, как бы предупреждая, а потом сбрасывал самыми диковинными способами.

Но, когда мы вышли к костру, Абриза взгляделась в наши лица.

– Что это значит? – спросила она. – Вы оба – чернокожие? Какие же вы дети арабов?

– Мы родились от черных женщин, и никто не ставит нам этого в упрек, – объяснил Ади. – Нам доверяют командовать войсками, а когда мы вернемся в столицу, то будем сидеть с нашим царем в диване. И его вельможи охотно отдадут нам в жены своих белых дочерей.

Но она покачала головой.

– Мне всегда говорили, что лишь демоны черны лицом, – сказала нам она. – И мудрые люди рассказывают, что в дальних странах живут черные, похожие на диких зверей, и они поклоняются шайтану.

– Это зинджи, а мы поклоняемся Аллаху великому, могучему, – возразил Ади. – Правда, многие правоверные считают, что в Судный день у всех грешников почернеют лица, но когда это свершится, тогда и увидим.

– И многое можно сказать в защиту черноты, – вмешался я. – Разве не знаешь ты, о Абриза, что сказано в Коране: клянусь ночью, когда она покрывает, и днем, когда он заблестает! И если бы ночь не была достойнее, Аллах не поклялся бы ею и не поставил бы ее впереди дня. Разве не знаешь ты, что чернота – украшение юности, а когда нисходит седина, уходят наслаждения и приближается время смерти? И разве не прекрасны стихи:

*Нет, белых я не люблю, от жира раздувшихся,
Но черных зато люблю я, тонких и стройных.
Я муж, что сажусь верхом на стройно-худых коней
В день гонки; другие пусть на слонах выезжают.*

Девушки Абризы, испуганные нашим появлением, встали по ту сторону костра и слушали нас, не понимая наших слов. Но Абризе не было до них дела – стихи снова заворожили ее.

– Прибавь, о Джабир... – попросила она.

– И сказал любимец Харуна ар-Рашида, поэт Абу-Новас о возлюбленном:

*Явился он ко мне в рубашке черной,
И пред рабами он предстал во мраке.
И молвил я: «Вошел ты без привета,
И радуется враг мой и завистник.
Твоя рубашка, кудри и удел мой —
То черно, и то черно, и то черно».*

– Прибавь, о Джабир, – снова попросила Абриза.

– И еще в числе достоинств черноты то, что из нее делают чернила, которыми пишут слова Аллаха, – немедленно отвечал я, – и черны также мускус и амбра. И как прекрасны слова поэта:

*Не видишь ли ты, что мускус дорого ценится,
А извести белой ты за дирхем получишь куль?
Бельмо в глазу юноши ззорным считается,
Но, подлинно, черные глаза разят стрелами!*

Абриза рассмеялась.

– Ты убедил меня, о Джабир, но что же делать теперь мне, белокожей? – спросила она. – Может быть, потому ваши женщины закрывают лица, что они – белые, а у арабов ценится черная кожа?

Тут рассмеялся и Ади.

– Нетрудно вступить за тебя, о госпожа, и победить в споре, клянусь Аллахом! – воскликнул он. – Ведь сказал другой поэт:

*Не видишь ли ты, что жемчуг дорог за белый цвет,
А угля нам черного за дирхем мешок дают.
И лица ведь белые – те прямо вступают в рай,
А лицами черными геенна наполнена.*

– Прибавь, о Ади! – повернувшись к нему, велела Абриза, и лицо ее было радостным.
– А Абу-Новас так приветствовал возлюбленного:

*Явился он ко мне в рубашке белой,
Его зрачки и веки были томны.
И я сказал: «Вошел ты без привета,
А я одним приветом был доволен».
Он молвил: «Споры брось ты, ведь Господь наш
Творит невиданное бесконечно.
Моя одежда, как мой лик и счастье:
То бело, и то бело, и то бело».*

– Как жаль, что я не могу принять участие в этом споре! Если бы я знала подходящие стихи... – она вздохнула. – Теперь я вижу, как мало знаю! И если бы я лучше владела вашим языком, то сама сочинила бы подходящие стихи... А какие еще у тебя доводы, о Ади?

– В белизне множество достоинств, и снег, что так ценится на пирах, нисходит с небес белым, и мусульмане гордятся белыми тюбанами! – отвечал он.

– Когда моему отцу предложили возглавить паломников, а это немалая честь, он взял нас всех с собой, тетка Бертранда на этом настояла, – помолчав, сказала Абриза. – И мы долго плыли на венецианской галере. А потом матросы закричали, и мы вышли на палубу, и я увидела вдали берег, и белые города на склонах гор, и золотые купола ваших мечетей... И всякий раз, вспоминая вашу землю, я буду видеть эту безупречную белизну на зелени гор...

Но напрасна была эта тоска, и Абриза отмахнулась от нее, словно от надоедливой мухи, и окликнула девушек, и велела им расстелить скатерть поверх ковра, и бросить к ней кожаные подушки, и позаботиться о вине.

Девушки подали скатерть, и на ней было все, что скачет, летает и спаривается в гнездах: куропатки, перепелки и прочие виды птиц, и они разложили кушанья и процедили вино, а сами отошли в сторону. Мне не понравилось их поведение, я тогда уже ждал для Абризы зла от последствий этой ночи. Они перешептывались и переглядывались, показывая на нас с Ади пальцами, и я предупредил Абризу, а она позвала девушек, и усадила их, и угостила, так что вскоре они охмелели и стали смеяться, петь, хлопая в ладоши, и даже две из них сплясали.

И мы провели в обществе Абризы и ее девушек лучшую из ночей, читая стихи и беседуя о прекрасном, но близился рассвет – и нам пришлось расстаться без надежды встретиться вновь, ибо мы – правоверные, а она – христианка.

Но начертал калам, как судил Аллах! Мы преломили хлеб, и разделили трапезу, и пили из одного кубка, а это связывает людей, и налагает на них обязательства.

А когда мы расстались, то Абриза и девушки пошли к пустым кельям, вырубленным в скалах, чтобы провести там остаток ночи до утра, а мы, Ади и я, переправились через реку и вернулись к своим всадникам. И увели их подальше от монастыря, и продолжилась наша полная опасностей жизнь, и то мы нападали на франков, то они – на нас.

И вот однажды мы сидели в палатке, и вдруг входит невольник и с поклоном говорит Ади:

– О господин, ты посылал Мансура ибн Джубейра с сотней всадников проверить, не приближаются ли франки, и вот он возвращается, а с ним – всадник, одетый как франк, и этот всадник ехал в одиночестве, когда Мансур ибн Джубейр встретил его, и он утверждает, что у него есть к тебе дело!

– Приведи его, – сказал Ади, а потом повернулся ко мне и добавил: – Как прекрасно было бы, если бы это Абриза прислала к нам гонца!

– Не мечтай о несбыточном, – строго отвечал я ему. – Аллах даровал нам одну приятную ночь, а что сверх того – то уже лишнее, ибо мы – правоверные, а она – христианка.

И тут вводят того человека, и вдруг мы видим – это Абриза!

И на ней было полное одеяние вооруженного франка – и плохо сделанная кольчуга до колен, которая на самом деле не кольчуга, а кожаная рубаха с нашитыми на нее колечками, и франки называют это бедствие из бедствий обертом, и льняная стеганая рубаха под ним, достигающая середины голени, а называется она блию, и кольчужные чулки, которые шнуруются сзади. Сверх всего этого, чтобы металл не раскалялся от солнечного жара, на ней была белая накидка без рукавов и с разрезами по бокам, которую они называют гамбизон. На груди этой накидки был нашит красный крест. Поверх нее Абриза опоясалась мечом, тупым, как и положено быть мечу у франков, а лука и стрел не имела с собой вовсе.

Ее волосы были собраны по бокам и плотно уложены в кольчужный капюшон, лежавший на ее спине, так что она даже при опасности не могла бы теперь надеть капюшон на голову.

– Я прискакала к тебе, о Ади, потому что больше не у кого мне искать помощи и поддержки! Одна из моих девушек оказалась изменницей, и она донесла тетке, что я провела ночь в обществе двух сарацинских рыцарей, и говорила с ними на их языке, а тетка рассказала об этом отцу, и он сильно рассердился, и когда она посоветовала ему отправить меня в женский монастырь, чтобы я приняла постриг и стала Христовой невестой, он одобрил это! А во мне нет ни силы, ни призвания, чтобы стать Христовой невестой! И я прошу твоего покровительства, о Ади, – ведь ты сын царя!

Все это Абриза выкрикнула, не переводя дыхания. И сразу же опустилась на ковер, ибо дорога измучила ее, а тяжесть варварских доспехов истомила.

Ади мгновенно оказался возле нее, и стал распускать на ней ремни, и избавлять ее от оружия, а я крикнул невольникам, чтобы немедленно принесли прохладительных напитков. И сразу же они подали столик и воду десяти сортов: розовую, померанцевую, сок кувшинок и ивовый сок, и еще что-то в больших и маленьких кувшинах для охлаждения, с толстыми стенками и тростниковыми крышками. И они поставили на столик голубые фарфоровые кружки, а я налил в одну ивового соку, и положил туда ложку снега и кусок сахара, и поднес это Абризе.

Затем Ади стал расспрашивать Абризу об ее обстоятельствах, а я вышел из палатки, и призвал наших военачальников, и приказал им выбрать из своих невольниц красивых девушек, чтобы служить Абризе. И ко мне подошел Мансур ибн Джубейр, а он был самым старшим и опытным среди нас, и он сказал мне:

– О Джабир, я вижу, что привез Ади девушку знатного рода, которая дорога его сердцу. И вот мой совет – не стоит возить ее за собой, подвергая превратностям судьбы. У каждого из нас есть невольницы, которые стали нашей военной добычей, и если обстоятельства переменятся и лишат нас этих невольниц, мы не будем их оплакивать. Если сейчас на наш лагерь напали бы франки, нам пришлось бы спасаться бегством, бросив палатки и невольниц, и нет в этом ничего позорного. Мы отступили бы к нашим главным силам, вернулись и побии франков. Бегство от того, с чем не можешь справиться, – это путь посланников Божьих, ведь пророк сообщает о Мусе, который сказал Фараону: «Я убежал от вас, ибо боялся». Но нигде в Коране не сказано, что бегущий и спасающийся должен при этом возить за собой свой харим, о Джабир!

– Я и сам думал об этом, о Мансур, – отвечал я. – Сказано также в суре «Покаяние»: «А если кто-нибудь из многобожников просил у тебя убежища, то приюти его, пока он не услышит

слова Аллаха. Потом доставь его в безопасное для него место. Это – потому, что они – люди, которые не знают». Но куда можем мы отослать эту девушку? Если бы была жива мать Ади, мы отправили бы девушку к ней. Но она умерла, и одному Аллаху известно это дело.

– Она умерла, но царь, отец Ади, жив, – возразил Мансур ибн Джубейр. – И он понимает, как обидел старшего сына, сделав наследником младшего. Царь будет рад совершить что-нибудь такое, от чего сердце Ади повернется к нему. А вместе с этой девушкой мы отправим наших невольниц, и они будут ей служить и охранять ее, так что она будет жить в безопасности. А потом Ади и ты придумаете, где бы поселить ее.

Мы еще обсудили это дело, а потом я вернулся в палатку и увидел, что туда принесли имущество Абризы, притороченное к седлу ее коня. И среди прочих вещей была шкатулка, и Абриза как раз открыла ее и показывала Ади сокровища, которые она привезла с собой.

Оказалось, что она взяла не только свои драгоценности, но кое-что из золотых украшений отца, матери и даже тетки. И она, достав со дна шкатулки ожерелье, сказала:

– О Ади, о Джабир, это ожерелье непременно нужно показать мудрецам! Из-за него тетка возненавидела меня.

А это было ожерелье, в котором золотые цепи переплетаются с серебряными, и мы потрогали его, и поразились безупречной шлифовке, которая до сих пор была недоступна ювелирам франков. Но Абриза сказала, что ожерелью очень много лет, так что неизвестно, какие ювелиры его смастерили.

– Тетка носила его на шее, не снимая, – продолжала Абриза. – И был даже случай, когда к нам в замок пришел нищий, старик с длинной седой бородой. Его покормили и позволили переночевать вместе со слугами. А ночью он прокрался в покои женщин, и пытался снять с теткой шеи ожерелье, и разбудил ее, и никто не знает, что вышло между ними, но только она позвала слуг и велела им вынести труп старика. А когда отец спросил ее, что все это означает, она сказала, что ни за нее, ни за ожерелье беспокоиться не надо, оно сделано так, что снять его с шеи хозяйки невозможно. Все были в этом уверены – и вообразите же общее удивление, о Ади, о Джабир, когда наутро после моего рождения тетка поднялась из кресла, в котором задремала, – и вдруг ожерелье упало к ее ногам! И больше она никогда уже не смогла его надеть, оно только и знало, что сразу же падало. И тетка говорила со злостью, что это я своим появлением на свет лишила силы и ее, и ожерелье.

А ожерелье на первый взгляд показалось мне зловещим, потому что в него были вделаны только черные камни. Три крупных были посередине, два из них продолговатые, и это агаты, а один, между ними, круглый, и это черный хрусталь. И они были окружены другими камнями, мелкими и хорошо отшлифованными, среди которых я узнал превосходный черный оникс.

Будь моя воля – я бы продал его по частям, а деньги роздал нищим во имя Аллаха. Но Абриза непременно хотела сохранить это ожерелье, и показать его мудрецам, и узнать, в чем его загадка. А если эта девушка чего-то хотела, то она умела настоять на своем. И мы с Ади послали гонца к царю, и известили его, что дочь франкского эмира просит нашего покровительства, и он отвечал согласием, и предложил ей покои в своем дворце. Так что пришлось снаряжать целый караван, и вместе с Абризой в столицу отправили часть военной добычи, и невольников, и невольниц, и ехала она, словно царица, которую везут к повелителю правоверных.

Когда Абриза узнала о нашем решении, она сперва не захотела отправляться в столицу, убеждая нас, что отлично перенесет тяготы военной жизни.

– Я уверена в тебе, о Ади, и в тебе, о Джабир, – говорила она. – Но я боюсь придворных вашего царя. Ведь я – христианка, и поэтому они могут причинить мне зло.

– Клянусь Аллахом, Каабой и Кораном, что при дворе моего отца ты будешь в безопасности, о Абриза! – сказал ей на это Ади. – В такой же безопасности, как если бы я сам стоял у твоих дверей с обнаженным мечом.

Но Абриза долго колебалась, прежде чем поехать в столицу.

Наконец мы отправили ее и продолжили свои военные подвиги. А лучше бы мы оставили девушку при себе, потому что не прошло и пяти месяцев, как она снова появилась у нас – и в самом бедственном состоянии.

На сей раз она прибыла не в одиночестве, а в сопровождении евнуха из дворцовых евнухов. И когда этот вестник несчастья въехал в лагерь, нам показалось, что везут одну из царских жен, – таким почетом велел он сам себя окружить. Его несли в паланкине, и впереди шли черные рабы, а сзади – белые невольники, и они несли обнаженные мечи, всем видом показывая, что охраняют весьма достойную, благородную и незаменимую особу.

Нам сказали, что у евнуха есть дело к Ади от самого царя, и Ади принял его в палатке, но тот отказался вручать послание царя, потому что никакого послания у него не было. Ади сторяча вообразил, что евнуха подослали враги из придворных, чтобы убить его, и бросился на евнуха, и мне с трудом удалось отнять у него этого несчастного. И тогда только этот глупец завопил, что нужно немедленно внести в палатку его паланкин, ибо там под коврами спрятана женщина из царского харима.

Мы подумали было, что это одна из бывших невольниц матери Ади, которой известны обстоятельства ее смерти, и велели воинам стеречь евнуха, а сами пошли к паланкину, и сорвали с него занавески, и позвали невольницу. Но откликнулась нам Абриза.

Она выбралась из-под дорогих армянских ковров, и бросилась ко мне, не закрывая лица, и обняла меня, а на Ади даже не посмотрела. И ее лицо пожелтело, и стан стал грузным, и по всем приметам было видно – она беременна.

Поскольку Абриза не желала разговаривать с Ади и даже смотреть на него, я должен был куда-то отвести ее, чтобы мужчины не смотрели на ее лицо. Но своей палатки у меня не было, я жил вместе с Ади, и я окликнул Мансура ибн Джубейра, и он предоставил мне свою палатку. Туда я отвел Абризу, и усадил ее на ковер, и положил ей под бока подушки, набитые кусочками беличьих шкурок, и вытер ей слезы, – словом, утешал ее, как мать утешает ребенка, а Ади в это время ходил взад и вперед перед палаткой, ожидая печальных новостей.

И вот что рассказала мне Абриза:

– Твой брат поклялся Аллахом, Каабой и Кораном, что во дворце его отца я буду в безопасности, а со мной там совершили злое дело, о Джабир. Ты видишь, в каком я состоянии. И удивительно еще, что я осталась жива! Не знаю, кто рассказал наследнику старого царя, Мервану, о моей красоте, только он стал подсылать ко мне женщин, и просить о свидании, и не было дня, чтобы я не находила у себя подарка от него. И я спросила у невольниц, которых приставил ко мне царь, как мне быть, и они развели руками, потому что этот юноша, у которого только прорезались усы, чванлив, взбалмошен, изнежен и избалован, потому что царь ни в чем ему не отказывает. Тогда я написала письмо к царю, и уговорила евнуха отнести это письмо, но ничего не изменилось. А одна старая женщина сказала мне: «Царевич Мерван ненавидит старшего брата, и он на все готов, лишь бы оскорбить и унижить царевича Ади! А его мать во всем ему потакает и помогает». И тут я поняла, что попала в ловушку. Как это мог Ади послать меня в столицу и поселить во дворце, зная, что там меня встретят его враги?

На это я ничего не мог ответить. Мы оба были уверены, что царь станет для Абризы защитой и опорой.

И она поведала мне, как подкупленная невольница одурманила ее банджем, из тех видов банджа, от которых человек сперва веселится, а потом впадает в полусонное состояние, так что плохо сознает, что с ним делают, и не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Она с плачем рассказала мне, как очнулась и поняла, что над ней было совершено насилие. А потом она стала очень осторожна, и заставляла невольниц пробовать еду и питье, но было уже поздно. Абриза почувствовала себя скверно, и пожаловалась невольницам, и те определили, что она понесла. И бедная девушка хотела избавиться от плода, и женщины принесли капустные семена, и жгли их,

и дымом через трубку окуривали ее фардж, но плод не вышел, и вода с перцем тоже оказалась бессильной, и корица с красной миррой – равным образом.

Я впервые услышал, какие снадобья используют женщины, чтобы изгнать плод, и поразились их количеству и разнообразию, а также их бесполезности.

И свой рассказ Абриза завершила тем, что подкупила евнуха, отдав ему все свои драгоценности, и он тайно вывел ее из харима, и вывез из города в своем паланкине, и доставил в лагерь к Ади, а по дороге они едва избежали столкновения с франками.

Я позвал невольников, приказал им поставить для Абризы палатку, и снести в нее все самое лучшее, что найдется из утвари и ковров, а сам пошел к Ади и осведомил его о случившемся. И Ади понял, почему Абриза не хочет видеть его.

– Я поклялся и не сдержал клятву, о Джабир, и мне остается только умереть! – воскликнул он. – Где это видано, чтобы благородный жил после того, как клятва нарушена? Клянусь Аллахом, я должен искупить свою вину!

– А кому станет лучше, если ты умрешь, о Ади? – спросил я. – Ты избавишься от всех бедствий этого мира, а Абриза, пострадавшая по твоей вине, останется без покровителя.

– Есть ли спасение, о Джабир? – спросил он.

– Прежде всего спасают честь, о Ади, – отвечал я. – Нельзя, чтобы ребенок Абризы родился без отца. А так как его отец – твой развратный братец, то нужно отдать за него Абризу, и пусть ребенок будет наследником престола после Мервана! Это – наилучшее, чего мы можем достичь, клянусь Аллахом!

– Нет, о Джабир, – возразил он, – и не говори об этом, потому что я худшей из женщин не пожелаю такого мужа, как Мерван. Но ты навел меня на хорошую мысль. Ступай и передай Абризе, что, раз ее честь из-за меня понесла ущерб, я сам женюсь на ней!

Оправдать нас обоих может лишь то, что мы выросли среди всадников, из женщин имели дело только с невольницами и понятия не имели, как надо разговаривать с дочерьми благородных. Я поспешил в палатку, чтобы обрадовать Абризу этим известием, но она наотрез отказалась выходить замуж за Ади, и, что мне теперь кажется особенно странным, – лишь потом она заговорила о том, что он верует в Аллаха, а она – в Ису. Сперва же Абриза ответила отказом совсем по другой причине.

– О Джабир, как это ты позабыл, что Ади – из благородных арабов, и если бы свахи нашли для него женщину, которая раньше принадлежала другому, он бы не принял такую невесту! – сказала она. – Не надо во имя искупления вины лишаться гордости, о Джабир, иначе гордость жестоко за себя отомстит. Если я соглашусь стать женой Ади, он потом поймет, что этот брак для него – унижение, и не простит мне этого унижения, и неизвестно, что между нами случится!

Я согласился с ней, и пошел к Ади, и передал ее слова. Но он повторил свою просьбу, и я вернулся, и снова выслушал отказ, но доводы Абризы на сей раз были более пространны. И я ходил взад и вперед, так что невольники, стоявшие и сидевшие у входа в палатку Абризы, стали пересмеиваться, а в голове у меня совсем помутилось от речей, которые я передавал от Ади к Абризе и от Абризы к Ади.

Наконец нам стало ясно, что ни за Ади, ни за кого другого Абриза выходить замуж не хочет. И это происходит из ее гордости, так как она предвидит упреки будущего мужа, а вовсе не потому, что она хочет пощадить гордость Ади. Так поняли мы ее отказ. А может, ей не хотелось иметь мужа, черного лицом, и упрекать ее в этом было нелепо.

– О Джабир! – сказал мне тогда Ади. – О мой брат! Я нарушил клятву, но мы с тобой связаны обетом братства и дружбы, и вот настал час тебе сделать то, что должен был бы сделать во искупление своего греха я.

– На голове и на глазах! – отвечал я ему. – Все, чего ты потребуешь, я сделаю беспрекословно, если только это поможет в беде.

– Ты оставишь войско, и возьмешь Абриз, и повезешь ее в безопасное место, и вы поселишься в небольшом городе, и пусть она там родит ребенка, – сказал Ади. – И ты ради меня откажешься на это время от воинских подвигов, и будешь охранять Абриз так, как должен был бы ее охранять я, потому что мне она доверилась! И пусть знает, что я отдаю ей лучшее, что у меня есть, – друга, который дороже брата, клянусь Аллахом!

Разумеется, мало радости льву пустыни и гор в том, чтобы охранять изнеженную газель. Но я понял, что хотел сказать этим Ади, да хранит его Аллах. Он пожелал, чтобы я разделил с ним груз неисполненной клятвы, – и в этом было величайшее доверие, какого только я мог от него пожелать.

И я оделся в одежду черного раба, и взял Абриз, которая так и не пожелала встретиться с Ади, и невольников, и верблюдов, и одну старуху, чьи близкие погибли от мечей франков, так что у нее никого не осталось. И мы двинулись в поисках безопасного места, и нашли этот город, и сняли здесь дом сперва на год, а потом и на другой год. Здесь Абриз прожила, пока не исполнились ее месяцы, и тогда она села на седалище родов – а во время беременности она была праведна и хорошо соблюдала христианское благочестие, и молила Всевышнего, чтобы он наделил ее здоровым ребенком и облегчил ей роды, и Аллах принял ее молитву. Но о том, что она христианка, никто из соседей не знал.

И все мы со страхом ожидали часа родов, потому что Абриз сперва не хотела этого ребенка и говорила о нем дурно. И все же, увидев сына, она обрадовалась, и стала его растить, и, казалось нам, ни о чем больше не беспокоилась.

А мой брат Ади прислал нам несколько посланий с темным смыслом, после чего от него не было ни письма, ни гонца, ни иного известия. И мы жили в мире и согласии до того дня, когда Абриз, пойдя в хаммам, остановилась послушать тебя, о почтенный Мамед, и услышала нечто, взволновавшее ее, и пожелала купить твою книгу, о Саид.

А я, живя мирной жизнью горожан, разлеился и утратил тот нюх к опасности, которым всегда отличался. И я раскаялся, когда от раскаяния уже не было пользы, и остался в пустом доме, как бедуин, рыдающий у покинутого становища, откуда увезли его возлюбленную. Впрочем, я не верю, что бедуины в те времена так красноречиво рыдали, их жалобы похожи на бейты опытных поэтов, а Аллах лучше знает.

Вот какова моя история, о Саид, о Мамед, и ты, о Ясмин. Я не оправдал доверия моего брата и позволил похитить Абриз и ее ребенка. И я не знаю, где теперь Ади, чтобы известить его о несчастье...

– Где бы Ади ни находился, он вряд ли сможет нам помочь, – рассудительно сказал Саид. – Не хочешь ли ты, чтобы он бросил войско, и сел на коня, и прискакал сюда, чтобы вместе с нами слоняться по дорогам и грызть ячменные лепешки? Нет, нам незачем сейчас искать твоего брата, о Джабир, а найти нужно совсем другого человека. Скажи, куда отправился тот евнух, который тайно вывел Абриз из дворца?

– Ради Аллаха, зачем тебе этот жирный евнух? – изумился Джабир. – Уж не хочешь ли ты нанять его, чтобы он охранял Ясмин?

– Я открою тебе страшную тайну, о Джабир, – отвечал Саид. – Дело в том, что я сам состою под ее охраной и защитой! Не прошло и десяти дней, как она мужественно отогнала от меня пьяного банщика, который шел за мной следом до самого жилища и грозил Судным днем, если я немедленно не доскажу ему историю о том, как Харун ар-Рашид возлежал на ложе с тремя невольницами, и что из этого вышло.

– А что это за история? – невольно улыбнувшись, спросил Джабир.

– Рассказывают, о Джабир, что однажды ночью повелитель правоверных Харун ар-Рашид лежал с тремя невольницами, и две были из Мекки и Медины, получившие замечательное образование, а третья была из жительниц Ирака и до той поры славилась лишь своей красотой.

И та невольница, что из Мекки, растирала ему руки, а невольница из Медины растирала ему ноги и протянула руку к его товару. Невольница из Мекки, увидев это, оттолкнула ее и сама вознамерилась прикоснуться, а мединка сказала ей: «Разве ты не знаешь, что пророк, да благословит его Аллах, сказал – кто оживит землю мертвую, тому она принадлежит!» Невольница из Мекки возразила ей, говоря: «Неужели тебе не рассказывали, что пророк, да приветствует его Аллах, говорил – дичь принадлежит тому, кто ее поймал, а не тому, кто ее поднял!» А иракская красавица... Однако, уже темнеет, о Джабир. Мы увлеклись приятной беседой, а ведь и тебе, и нам предстоит долгий путь. Нам нужно добраться до караван-сарая, а тебе...

– Постой, о рассказчик, ты не сказал, что совершила иранская невольница! – возмутился Джабир.

– Мало ли что совершают женщины? Разве красивая невольница – святой подвижник, чтобы рассказывать на дорогах о ее деяниях? – ворчливо осведомился Саид.

– Я не отпущу тебя, пока не узнаю, чем закончилась эта история! – воскликнул Джабир.

– Вот точно такие же слова и твердил тот пьяный банщик! Так на чем же я остановился, о правоверные?

– На том, что мединка и мекканка к месту и кстати привели слова пророка Мухаммеда, а невольница из Ирака...

– Невольница из Ирака... Что же она такого совершила? Ради Аллаха, не торопи меня, о Джабир, мысли мои разбежались, я знаю множество историй о невольницах и их повелителях, и знал бы ты, как трудно вспомнить, что натворила именно эта красавица!

Саид запустил руку под тюрбан и почесал в голове. Джабир, сидевший перед ним, подался вперед, глядя прямо в губы рассказчику.

– Вспомнил, клянусь Аллахом, вспомнил! – обрадовался Саид. – Эта баловница оттолкнула и мединку, и мекканку, протянула руку к наилучшему достоянию повелителя правоверных и воскликнула: «Это будет мое, пока не окончится ваш спор!»

Джабир расхохотался. Но Мамед, напротив, сразу же надулся.

– Почему ты не учил меня таким коротким и увлекательным историям, о Саид? – сварливо осведомился он. – Почему ты заставлял меня читать длинные, как бессонная ночь, повествования с бесчисленным количеством царевичей, царевен, джиннов, старух, гулей, маридов и прочей нечисти? Ведь такими историями я заработал бы куда больше!

– Не успеешь начать такую историю, как глядь – а она уже кончилась, о Мамед! И правоверные, посмеявшись, разошлись, причем никому и в голову не пришло заплатить тебе за такой короткий рассказ хоть даник, не говоря уж о дирхеме, – объяснил Саид. – Эти истории рассказывают бесплатно на пирах и в собраниях, когда нужно развеселить угрюмого. Но вернемся к нашим делам. Где вы с Ади оставили евнуха, о Джабир? Как его звали? Куда он направил свои благородные стопы? Прежде, чем мы расстанемся, ты должен рассказать мне все об этом замечательном, одаренном многими достоинствами евнухе, чтобы я смог его отыскать. А ты, о Мамед, слушай внимательно, потому что тебе предстоит искать его вместе со мной! Или ты собрался покинуть меня, вернуться в город и отдаться в руки городской страже, чтобы она привела к повелителю правоверных его беглого поэта? Безопаснее всего для тебя, о Мамед, сопровождать меня и Ясмин в этих поисках. Ну так куда же подевался евнух?

– Во всяком случае, в царский дворец он не вернулся, – подумав, сообщил Джабир. – Пока я не увез из лагеря Абризу, он был при ней. И потом сопровождал нас некоторое время. Пожалуй, если поможет Аллах, я вспомню, где он с нами расстался и в какую сторону направился со своими невольниками. А что тебе от него нужно, о Саид? Он ведь ничего не знает о судьбе Абризы...

– Ты же сказал, что Абриза отдала ему все свои драгоценности за то, чтобы он вывел ее из дворца, о Джабир, – напомнил рассказчик. – И он, судя по всему, взял их с благодарностью и увез с собой.

Тут Саид замолчал. И молчал он довольно долго – пока Джабир, который сидел, понурившись, не поднял голову и не посмотрел ему в глаза, удивленный затянувшимся молчанием.

И глаза их встретились.

И чернокожий великан прочитал во взгляде рассказчика решимость, равную собственной. Еще несколько дней назад это удивило бы его, ибо уличные рассказчики обычно люди ненадежные, склонные к запретному и не обладающие ни смелостью, ни благородством, ни стойкостью духа – ничем, кроме зычной глотки и цепкой памяти. Но Джабир уже понял, что Аллах свел его с необычным рассказчиком, испытавшим достаточно скверного в жизни, чтобы знать подлинную цену и суровому слову, и беззаботному смеху.

* * *

Джейран поняла, что уже не спит. Она лежала на мягком ковре, раскинувшись, наслаждаясь ароматом дорогого курения – может быть, даже настоящего какуллийского алоэ. Но она еще не поставила для себя преграды между сном и явью, так что сон стремился перетечь в явь.

И это был прекрасный, изумительный сон, в котором сбылось все, о чем говорила ей на стоянке веселая Фатима.

– Ты вернешься в этот город с немалыми деньгами, о Джейран, и снимешь дом, и купишь персидские ковры, сундуки и дорогую утварь. Ты приобретешь также двух невольниц, опытных в домашнем хозяйстве и не очень молодых, таких, что умеют ходить за детьми, – толковала она. – И ты найдешь надежную старуху, которая понимает в сватовстве, и расспросишь ее о юношах, которые хотели бы жениться. А может, это будет не юноша, а муж в зрелом возрасте, ласковый нравом, обладатель черных глаз и сходящихся бровей. И ты пошлешь к нему старуху, и она посватает тебя за него, и опишет твою красоту и прелесть, и обо всем с ним договорится, о Джейран! И вы позовете кади и свидетелей, и составите договор, и сыграете свадьбу, и тебя будут семь раз открывать перед твоим мужем в разных нарядах, и он войдет к тебе...

Тут Джейран и почувствовала, что слова пышной красавицы сразу же начинают сбываться. Ибо она уже видела, как перед ней склонилась в поклоне хитрая старуха, и она уже сказала старухе:

– Пойди, о матушка, посватай меня за хозяина нового хаммама, у которого еще нет жены...

И старуха поклонилась ей с большим почтением, сказав:

– На голове и на глазах, о доченька!

Причем хитрая старуха даже не спросила, как зовут хозяина нового хаммама, где он живет, и откуда известно, что он имеет склонность к женитьбе. Откуда-то она это уже знала, и поспешила, а к Джейран подошли две молодые невольницы, чтобы показать ей новое платье из дорогого шелка, цветом между шафраном и апельсином, и шелковый мосульский изар, и расшитые туфли, отороченные золотым шитьем, и пару золотых браслетов для ног, и браслеты для рук на замках с большими жемчужинами, и жемчужные серьги, и платок из полосатой парчи...

А за дверьми вдруг послышался шум, и Джейран, растерявшись и уронив все свои драгоценности, кинулась за шелковую занавеску, где и застыла, полуголая, прижимая к груди разноцветные наряды.

И она никак не могла понять – как это вышло, что старуха удалилась совсем недавно, а вот уже ведут в дом жениха, окруженного толпой, и у дверей уже сидят на скамье приглашенные певички, и немедленно откуда-то донеслись ароматы свадебного пира...

Джейран выглянула – и увидела под белоснежным тюбаном темное, тонкое, смолоду нежное, с годами отвердевшее, но красивое лицо немало повидавшего в жизни мужчины, которому, по ее соображениям, было около тридцати пяти лет. Он вошел, обвел комнату темными, глубоко посаженными глазами, увидел разбросанные впопыхах ткани и украшения, усмех-

нулся и довольно погладил сухой смуглой рукой небольшую черную бородку. Это воистину был он – возлюбленный, о котором Джейран мечтала десять лет!

На мгновение ей стало страшно – ведь бывали же случаи, когда мужчина, заключив с женщиной брачный договор, входил к ней, впервые глядел ей в лицо – и отсылал ее к родителям нетронутой! О подобной неприятности толковал и Коран. А ведь Джейран всегда была нехороша собой, что бы там ни говорила умница Фатима. И она безумно боялась, что возлюбленный войдет к ней, и увидит ее, и немедленно от нее откажется...

Джейран не любила смотреться в зеркала. И она схватилась за бронзовую ручку, и с отчаянием повернула к себе зеркало – неужели и впрямь уродство ее настолько велико, что дела не поправить даже основательным приданым? Она посмотрела – и не узнала собственного лица. Там, в зеркале, была красавица, на щеках которой лежали два искусно выложенных локона, словно два скорпиона, и к каждому на золотой ниточке был привязан самоцвет, с насурьмленными глазами и черными волосами, и слегка раскрытыми устами, и сходящимися бровями, и она была совершенна по качествам, и походила на нежную ветвь или стебель базилика. И щеки ее были овальные, и глаза – темнее ночи, и улыбка ее похищала разум.

Немедленно Джейран вспомнила, кто и как привязан к ее локонам самоцветы, и ее новое лицо мгновенно стало привычным, и она позвала невольниц, чтобы помогли ей надеть первое платье, в котором она появится перед знатными гостями, которые уже спешили к ее дому...

И свадьба промелькнула, и настал миг, когда невольницы оставили Джейран в спальне на ложе из бамбука с ножками из слоновой кости, и со смехом убежали, пожелав того, о чем она не решалась раньше и думать. И он вошел, и улыбнулся, и протянул руки, и приблизил Джейран к себе... и было все, что ей обещали умудренные опытом женщины, хотя было как бы в радужном тумане... и они провели ночь до утра в наслаждении и в радости, одетые в одежды объятий с крепкими застежками, в безопасности от бедствий дня и ночи...

А потом Джейран проснулась и удивилась, что возлюбленного супруга рядом с ней больше нет.

Она приподнялась на локте – и увидела, что лежит в богато убранном помещении, стены которого увешаны дорогими коврами, и дверь на эйван открыта, и дверная занавеска откинута, а солнце, заглядывая, играет на крутых боках медного кувшина, стоящего посреди подноса, и кувшин окружен мисками с рисом, сваренным в молоке и посыпанным сахаром, с поджаренной тыквой в меду и с лепешкой-кунафой из лучшей пшеничной муки, на которую не пожалели масла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.